



СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»

Н. С. Бондарь



**КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН:
ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ
К ЮРИДИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ**

*Constitution Of Russia
in The Sea-Change Epoch Of Today:
From Political Illusions To Legal Realism*



ЮРИСТ
Москва — 2018

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)
Б81

Б81 Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 9. — Москва: Юрист, 2018. — 83 с.

N. S. Bondar. Constitution Of Russia in The Sea-Change Epoch Of Today: From Political Illusions To Legal Realism. The Library of Judicial Constitutionalism Series. Issue 9. Moscow, Yurist Publishers. 2018. 83 pages.

ISBN 978-5-91835-357-8

Новый, девятый, выпуск авторской серии «Библиотека судебного конституционализма», которая издаётся с 2012 года, посвящен обоснованию авторского подхода к пониманию природы, назначения действующей Конституции России в современных условиях глобальных перемен правовой жизни. Это потребовало исследовать смысл и глубину влияния Конституции на социальную действительность, истоки порожденных ею на начальном этапе принятия политических иллюзий и правового романтизма, а также показать степень реализма как акта прямого действия и на этой основе проанализировать ее место и роль в современном социокультурном и правовом миропорядке. Важное значение имеет анализ этих проблем в условиях современных вызовов праву, кризиса конституционализма, что в конечном счете создает угрозу утраты правом его существенных характеристик как равной для всех меры свободы. Существенным фактором преодоления соответствующих негативных тенденций является действующая Конституция России, философско-мировоззренческой основой которой является методологический плюрализм. Востребованность данной методологии в деятельности Конституционного Суда РФ позволяет ему осуществлять как правоохранные, так и преобразовательные функции, что предполагает возможность социокультурного саморазвития, эволюционирование Конституции безотносительно к изменению ее текста.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, уровнем эффективности реализации Конституции РФ как акта высшей юридической силы, Основного закона прямого действия.

.....
This new, ninth issue of the Library of Judicial Constitutionalism author's series published since 2012, presents the substantiation of the author's approach to the conception of the nature, role and purpose of the current Constitution of Russia under the legal life sea-changes of today. The goal required an investigation of the essence and depth of the impact produced by the Constitution upon the social reality, the sources of those political illusions and legal romanticism begot by it on the initial stage of its adoption, as well as a demonstration of the level of realism as a direct action, and thereupon an analysis of its position and role within the contemporary sociocultural and legal world order. Of great importance is the analysis of the above problems under the current challenges to justice, crisis of constitutionalism, which in the long run creates a menace of justice losing its intrinsic features as a degree of freedom equal for all. An essential factor of overcoming the appropriate negative tendencies is the current Constitution of Russia whose philosophic worldview basis is methodical pluralism. The need for these methods in the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation enables it to exercise both law-enforcement and transforming functions, which provides for sociocultural self-development, Constitution's evolution irrespective of its text modification.

The target reader is anyone interested in the problems of current Russian constitutionalism, level of effectiveness of actualization of the Constitution of the Russian Federation as an act of the highest validity, Basic direct-acting law.

© Бондарь Н. С., 2018
© Издательство «Юрист», 2018

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>INTRODUCTION</i>	
1. КОНСТИТУЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ПРАВОВОМ МИРОПОРЯДКЕ	7
<i>1. THE CONSTITUTION WITHIN THE CONTEMPORARY SOCIOCULTURAL AND LEGAL WORLD ORDER</i>	
1.1. О сущности Конституции как выражении социальных противоречий	8
<i>1.1. On the essence of the Constitution as an expression of social conflicts</i>	
1.2. Ценность и уникальность юридических свойств Конституции	17
<i>1.2. Value and singularity of the legal feature of the Constitution</i>	
1.3. Конституция в современной правовой жизни: глобализация и (или?) суверенизация	23
<i>1.3. The Constitution within the legal life of today: globalization and (or?) sovereignization</i>	
2. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПРАВУ	29
<i>2. THE CONSTITUTION OF RUSSIA AND TODAY'S THREATS TO LAW</i>	
2.1. Дефицит конституционного равенства — главная угроза современному правопорядку	29
<i>2.1. Constitutional equality deficit as the major threat to the modern world order</i>	
2.2. Деформации социокультурных начал в праве, отрыв системы нормативно-правового регулирувания от нравственно-этических основ	34
<i>2.2. Deformations of sociocultural elements in law, separation of the legal and regulatory framework from the moral and ethic framework</i>	

2.3. От иллюзий абсолютизации примата международного права — к отстаиванию правового суверенитета России	38
<i>2.3. From the illusions of absolutizing the primacy of international law to asserting the legal sovereignty of Russia</i>	
3. КС РФ — ИНСТРУМЕНТ ОБРЕТЕНИЯ САКРАЛЬНОГО СМЫСЛА КОНСТИТУЦИИ, УТВЕРЖДЕНИЯ «ЖИВОГО» (СУДЕБНОГО) КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РОССИИ	45
<i>3. THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INSTRUMENT OF OBTAINING A SACRAL SIGNIFICANCE BY THE CONSTITUTION, ASSERTION OF THE «LIVING» (COURT) CONSTITUTIONALISM OF RUSSIA</i>	
3.1. Философско-мировоззренческий плюрализм Конституции РФ 1993 года как отражение вечных идеалов и юридических реалий	45
<i>3.1. Philosophical and worldview pluralism of the Constitution of the Russian Federation of 1993 as a reflection of these everlasting ideals and legal realia</i>	
3.2. О духе Конституции, его «прочтении» и юридическом значении	51
<i>3.2. On the spirit of the Constitution, its “rendition” and legal significance</i>	
3.3. КС РФ — генератор «живого» (судебного) конституционализма	54
<i>3.3. The Constitutional Court of the Russian Federation as a generator of «living» (court) constitutionalism</i>	
4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАДЕЖДЫ РОССИИ — В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА	72
<i>4. FOR A CONCLUSION: CONSTITUTIONAL ASPIRATIONS OF RUSSIA IN A CONSISTENT ACTUALIZATION OF THE CONSTITUTION OF 1993</i>	
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	81
<i>REFERENCES</i>	



ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание продолжает выпуск авторской «Библиотеки судебного конституционализма»¹. Оно приурочено к 25-летнему юбилею Конституции РФ 1993 года, что предопределило, в определенной степени, особенности его содержания.

Главной целью для автора был не просто анализ самой по себе Конституции России 1993 года, а попытка представить — по возможности, без излишнего погружения в сложные, порой противоречивые доктринальные концепции российского конституционализма — подходы, связанные с пониманием глубинной природы, сущности Конституции как уникального политико-правового документа современной эпохи, ее места и роли в современном обществе и государстве, имея в виду, в том числе, глобальные перемены в нашей правовой жизни, кризисные проявления в функционировании демократических институтов власти, обеспечении прав и свобод граждан. Важное значение имеет при этом анализ современных вызовов праву, к которым, по мнению автора, относятся прежде всего такие, как: дефицит конституционного равенства; отрыв социокультурных начал от формально-юридических характеристик права; усиливающийся дисбаланс в практике реализации норм международного и национального права, коллизии в соотношении наднациональной,

¹ В ряду ранее вышедших выпусков авторской «Библиотеки» см.: Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012; Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике российского конституционализма. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист, 2013; Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист, 2013; Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня завтра. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2014; Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности в свете практики конституционного правосудия. Вып. 5. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2014; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Вып. 6. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016; Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. Вып. 7. М.: Норма, 2017; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. Вып. 8. М.: Норма, 2018.

в частности европейской конвенционной, и национальной конституционной юрисдикций. В конечном счете это создает угрозу утраты правом его существенных характеристик как равной для всех меры свободы, а глобализационные процессы приобретают новые формы проявления.

Действующая Конституция РФ 1993 г., принятая в сложный исторический период развития России, содержит, тем не менее, большой, пока не в полной мере реализованный, потенциал для демократического развития нашего общества и государства, равно как и для преодоления приобретающих глобальный характер современных угроз. Это становится возможным, в частности, благодаря ее социокультурной идентичности, способности отвечать на вызовы времени с учетом наших национально-исторических традиций и особенностей социокультурного развития.

Особое значение в обеспечении последовательной реализации и адаптации Конституции к новым условиям исторического развития России имеет Конституционный Суд РФ (в дальнейшем — КС РФ), что потребовало уделить должное внимание практике КС РФ, его решениям. В особенности обращается внимание на возможность социокультурного саморазвития, эволюционирования Конституции безотносительно к изменению ее текста на основе как официально, так и казуального толкования конституционных норм. К активному анализу практики КС РФ обязывает и сама направленность авторской серии «Библиотеки судебного конституционализма», каждый отдельный выпуск которой связан с теми или иными направлениями нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

В заключение данной, вводной части издания остается отметить, что предложенный анализ соответствующих проблем носит, в определенной степени, постановочный характер, он не претендует на завершенность; остается выразить надежду, что затронутые вопросы станут предметом дальнейших исследований, включая анализ новых явлений и тенденций развития усложняющейся, противоречивой современной правовой жизни, в связи с чем важно понимание реального значения Конституции в различных сферах, на разных уровнях ее реализации, включая федеральную, региональную, муниципальную власть, политическую и предпринимательскую деятельность, осуществление, гарантирование и защиту прав и свобод человека и гражданина.



1. КОНСТИТУЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ПРАВОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

2018-й год по праву может считаться годом российского конституционализма, имея в виду не только 25-летний юбилей действующей Конституции РФ 1993 г., но и 100-летие Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года, а также (что сегодня еще реже вспоминается) 40-летие последней Конституции советской России — Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 года. При всех глубинных, сущностных различиях этих документов они воплощают в себе и некие общие закономерности, если даже нам не всегда хочется — по тем или иным причинам — в этом сознаваться. Это проявляется в «закономерно-непредсказуемой» непрерывности исторического процесса политико-правового развития нашей национальной государственности, впервые получившей 100 лет назад высшее юридическое оформление в виде целостного конституционного акта Российского государства¹ и прошедшей в последующем сложный, противоречивый путь конституционно-правового развития.

В этом плане сегодняшнее обращение к истории, в том числе к Конституции 1918 года, имеет по-своему принципиальное значение. Это позволяет, с одной стороны, более глубоко, с учетом сложных процессов исторического развития России, оценить венчавшую в политико-правовом плане суровый XX век Конституцию РФ 1993 года. С другой стороны, уверен, Конституция РСФСР 1918 г. — недооцененный отечественной доктриной конституционализма документ; не касаясь его качественных, в том числе вызывающих очевидные сомнения, характеристик, представляется уместным отметить, что без проникновения в природу этого документа, как оригинального, творческого, а не заимствованного, не производного от ранее существовавших зарубежных конституций акта новой (на тот момент) политической эпохи, невозможно объективно оценить достоинства и недостатки не только ушедше-

¹ При этом, естественно, нельзя не учитывать, что истоки российского конституционализма (и не только доктринального) имеют более глубокие корни, чем принятие Конституции РСФСР 1918 г.

го в прошлое советского, но и современного отечественного конституционализма¹.

На этой основе легче уяснить как национальные особенности, степень оригинальности, так и характер зарубежных заимствований, присутствующих в Конституции России 1993 г., смысл и глубину порожденных ею политических иллюзий и правового романтизма, равно как и степень реализма действующей Конституции. Это поможет, в свою очередь, дать ответ на вопросы, обращенные в будущее: насколько Конституция РФ 1993 г. принадлежит новому, XXI веку, а не ушедшему в историю веку прошлому? В какой мере она способна отвечать на глобальные вызовы современной политико-правовой жизни? Поиски ответов на эти вопросы чрезвычайно актуальны, имея в виду, что новому, XXI веку, возможно, уготованы испытания, в том числе в конституционно-правовой сфере, не менее сложные и судьбоносные, чем они были в прошлом веке.

1.1. О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Основные характеристики всякой конституции, в том числе российской, могут быть представлены в самых различных аспектах — как правовых, так и политических, социокультурных, национально-исторических и т.п. Своего рода концентрированным выражением таких характеристик и оценок — имея в виду действующую Конституцию России — могут служить слова Председателя КС РФ В.Д.Зорькина: «Конституция — самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России»².

Вместе с тем, понимание внутренней природы Конституции РФ как демократической правовой ценности вполне согласуется с возможностью критических оценок данного документа, в осо-

¹ Чтобы хотя бы в приближенном виде представить сложную философско-правовую основу самого по себе текста Конституции РСФСР 1918 г., уместно вспомнить своего рода конституционное кредо одного из ее авторов, профессора Рейснера М. А.: «В России нет права, оно смешивается с моралью, которая со своей стороны имеет полицейский характер» — говорил он в своей лекции перед студентами (<http://www.informaxinc.ru/lib/zhzl/reisner/#CO15>). В этой формуле просматривается мировоззренческий образ будущей крайне противоречивой, но глубоко национальной, абсолютно оригинальной на тот период (и по содержанию, и по форме) Конституции РСФСР 1918 г.

² Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М., 2008. С. 30.

бенности если иметь в виду практику его реализации. На нее влияют как внутренние условия конституционного развития государства, низкий уровень демократической правовой культуры, так и очевидные проявления глобального кризиса современного конституционализма. При этом нельзя не видеть главного: несмотря на крайне сложные исторические условия разработки и принятия, Конституция РФ 1993 г. отражает в сущностных своих характеристиках фундаментальные интересы, конституционные идеалы многонационального народа России и не находится в плену космополитических иллюзий, которые столь активно навязывались нам после распада Союза ССР.

При всей важности и приоритетности вытекающих из самой Конституции РФ международно-правовых стандартов в области демократии, прав и свобод человека и гражданина (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17) следует учитывать, что каждая национальная правовая система имеет собственную систему конституционных координат. «Импорт» конституционных ценностей, как и самого текста Основного закона, невозможен в суверенную государственно-правовую систему. Поэтому вопрос о природе Основного закона должен рассматриваться не только с учетом научно-теоретических, доктринальных подходов современного конституционализма, но прежде всего на основе практики конституционно-правового развития России, что предполагает обязательный учет глубоких исторических, национальных особенностей нашей истории, которые определяются не самим по себе текстом, буквой Конституции, а сущностными, социокультурными началами Основного закона современного российского общества и государства.

Это имеет принципиальное значение. Конституция (при всей космополитичности данного понятия и самого по себе термина «constitutio») представляет собой явление конкретно-историческое, социокультурное и уже в этом смысле всегда имеющее национальную ценность. Это особенно важно учитывать, имея в виду, что содержание и тем более иерархия ценностей демократии, свободы, равенства, справедливости, священной и неприкосновенной частной собственности, естественных прав человека, в концентрированном виде сформулированные еще на заре современного конституционализма, не остаются неизменными. Вместо прежних юридических формулировок, например о безусловном примате прав личности в соотношении с правами социальных общностей, современные де-

мократические конституции исходят из необходимости активного участия государства в поиске баланса между конкурирующими ценностями на основе конституционных принципов демократического правового государства, верховенства права, рыночной социально ориентированной экономики и (обязательно!) с учетом конкретно-исторических, в том числе национальных, особенностей развития общества и государства.

При поверхностном же прочтении Основного закона слишком большим может оказаться соблазн впасть в формально-юридические оценки отдельных ее статей (которые, будем откровенны, порой напоминают формулировки конституционных актов полутордвухвековой давности) без учета сегодняшнего (национального, социокультурного!) духа Конституции РФ как целостного нормативного правового акта, положения которого находятся в глубоких системных взаимосвязях.

В этом плане существенные, глубинные характеристики Конституции невозможно раскрыть на основе самого по себе ее текста. Важно проникновение не только в букву, но дух Конституции. Вполне уместно вспомнить в связи с этим библейское понимание соотношения внешней (юридической) формы и внутреннего (духовного) начала закона: «...Закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:17). В Конституции также присутствуют эти два начала: 1) юридический закон как воплощение политической воли законодателя (Моисей в соответствии с Ветхим Заветом есть законодатель-пророк); 2) правовой свод духовных ценностей общества, основанный на «благодати», «истине». В этом находит отражение коллизийное, порой весьма противоречивое сочетание формально-юридических и нравственно-этических, культурологических начал Конституции, в основе чего лежит единство нормативного текста и его духовного наполнения.

В этих условиях объекты конституционного воздействия представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых как человеческие поступки, так и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации) нормируются, упорядочиваются, прежде всего, с точки зрения ценностей добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого

своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью.

При этом глубинные основы духа Конституции РФ (как своего рода юридического зеркала, отражающего внутреннее состояние духовных сил многонационального народа) коренятся в ее сущностных характеристиках. Не подвергая сомнению различные высказывавшиеся ранее соображения о сути данного документа, важно учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношениях и взаимосвязях, предопределяет необходимость восприятия этого явления во всей его многоплановости и противоречивости, когда сущность Конституции раскрывается посредством реальных общественных отношений, коренится в сложившемся соотношении социальных сил как носителей конституционно значимых для общества политических интересов, социальных ценностей, идеалов и целей. Поскольку эти отношения определяются политической конкуренцией, борьбой (и не только в рамках избирательных, парламентских процедур), основное предназначение Конституции состоит в обеспечении согласованного взаимодействия, достижении баланса интересов посредством установления адекватной общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе социальных, политических, экономических противоречий.

Именно социальные противоречия лежат в основе сущностных характеристик Конституции, отражающих в конечном счете ее социокультурные ценностные начала. Более того, процесс конституционного регулирования общественных отношений опосредован главным образом механизмами ценностной фиксации, поскольку по сути социальные противоречия могут быть разрешены на основе и в соответствии с ценностными предпочтениями и ориентирами как концентрированным отражением политических интересов и социокультурных условий развития общества, признанием важности тех или иных общественно-политических идеалов и социальных благ для соответствующих субъектов конституционных отношений.

Данный подход позволяет выявить конституционные истоки, корнящиеся в реальных общественных отношениях, выявить сферу (пределы) и закрепить на высшем правовом уровне систему важнейших общественных отношений в их ценностном измерении. Социально-правовые ценности, отражающие сущностные

характеристики Конституции, представляют собой сформированные на основе исторического развития общественные представления о наиболее рациональных формах и институтах демократической организации социальной жизни, об общественном благе, нуждающемся во всеобщем признании и защите. Новая система социально-правовых ценностей, характерная для Конституции РФ, как и сущностные характеристики последней, являются итогом сложных, противоречивых процессов не столько согласования несовпадающих интересов (что в классическом варианте определяет сущностные начала конституционных актов), сколько борьбы, дошедшей до военного противостояния различных политических сил на изломе эпох — при переходе к новой политической и экономической организации постсоциалистического общества.

В более полном виде соответствующие характеристики Конституции РФ в их соотношении с социальными противоречиями могут быть представлены следующим триединым образом.

Во-первых, это понимание Конституции как порождения социальных противоречий современного общества. Бесспорно, что эффективность конституционного регулирования, степень реальности провозглашаемых Конституцией демократических принципов во многом определяется глубиной проникновения Основного закона в противоречия между властью и свободой, в природу несовпадающих социальных интересов и конфликтов современных общества и государства.

Подход, характерный для современного конституционализма, основан на признании того факта, что сущность конституции демократического государства должна проявляться именно в юридическом закреплении не совпадающих, но подлежащих согласованию интересов различных социальных групп, наций, народностей. Согласование, приведение к общему знаменателю интересов и воли различных групп общества происходят на основе объективно складывающегося соотношения социальных сил в обществе. Показателем этого соотношения и его результатом должны быть достижение гражданского мира, согласия в обществе и по возможности социальная солидарность. Сущностная же характеристика конституции в этом случае проявляется в том, что она выступает юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества, мерой достигнутого в обществе и государстве

равновесия между властью и свободой. Уже поэтому в юридическом плане конституция — есть политико-правовое порождение наиболее значимых социальных противоречий, выражающих соотношение между основными политическими силами общества и составляющих в совокупности фактическую конституцию общества. Одновременно конституция призвана отражать на правовом уровне соответствующие противоречия и способствовать их разрешению с помощью специфического юридико-правового конституционного инструментария, воздействующего на различные сферы общественных отношений.

Во-вторых, важное сущностное значение Конституции — ее характеристики как юридизированной формы отражения социальных противоречий.

Всем своим содержанием Конституция РФ отражает тот факт, что с развитием рыночных отношений и плюралистической демократии, действие социальных противоречий не только не отменяется, но и, трансформируясь, приобретает, как правило, более сложный, а порой и весьма острый характер. Созревание внутренних противоречий демократической государственности в условиях естественной для демократии политической конкуренции, усложнение спектра социальной и экономической действительности происходят вместе с развитием конституционного строя как государственно-правового выражения гражданского общества.

Социальная организация современного общества носит чрезвычайно сложный, противоречивый характер. Соответственно, современный конституционализм исходит из того, что прочность основ конституционного строя определяется не его «монолитностью», недопустимостью столкновения и противоборства идей и интересов, а, напротив, наличием внутренних противоречий и конфликтов между несовпадающими конституционными ценностями институтов организации публичной власти, федерализма и местного самоуправления, централизации и децентрализации, свободы и ответственности и закреплением уже на уровне основ конституционного строя системы сдержек и противовесов как правовых механизмов разрешения противоречий.

С учетом различной степени зрелости и особенностей форм проявления социальных противоречий в отдельных сферах общественных отношений в системе современного конституционализма в той или иной мере находят отражение:

а) противоречия-несовпадения (отражающие многообразие несовпадающих личных и общественных, федеральных и региональных, государственных и муниципальных интересов и т. д.);

б) противоречия-противоположности (основанные на противоположных ролевых функциях и интересах субъектов конституционного права в отдельных сферах социальных отношений, как то противоположные интересы наймодателей и наемных работников);

в) противоречия-конфликты, возникающие, как правило, в результате развития, вызревания социальных противоречий и их трансформации в правовую, политическую, властно-управленческую, экономическую сферы, что проявляется, например, в виде коллизивно-правовых, управленческо-компетенционных, национально-этнических, социально-экономических и иных конфликтов.

Наряду с указанными, имеющими внутрисударственный характер, можно выделить в качестве относительно самостоятельных также глобальные противоречия современности, возникающие прежде всего на встречах путях современных цивилизаций: христианской и исламской, западной и восточной и т. п., которые также имеют (непосредственно или опосредованно) конституционное значение. Соответственно, современный конституционализм с его ценностно-институциональными характеристиками (включая национальные институты конституционного правосудия) выступает для них тем универсальным нормативным механизмом, который сдерживает всплеск всех видов радикализма на уровне проявления глобальных противоречий, исходя как из принципа соблюдения национального суверенитета, так и из принципа императивности международных обязательств.

Определяя стратегию конституционного регулирования общественной жизни, следует исходить из того, что социальные противоречия, конфликты и различия во взглядах на их разрешение — дело нормальное. Конституция, текущее национальное законодательство и нормы международного права должны не нивелировать, а официально, на нормативно-правовом уровне признав сам факт существования несовпадающих интересов, конфликтов и социальных противоречий, предлагать эффективные правовые средства их разрешения.

В-третьих, Конституция должна рассматриваться с точки зрения ее сущностных характеристик как институционно-правовая основа разрешения социальных противоречий.

Включением в сферу конституционного воздействия противоречивых явлений социальной действительности, несомненно, повышается не только реальность конституционализма, но и эффективность всей системы конституционно-правового регулирования, в том числе с точки зрения формирования нормативно-правовых, институциональных основ разрешения социальных противоречий. Данное назначение Конституции определяется уже тем, что она призвана раскрывать содержание важнейших принципов и закономерностей, ценностных начал социально-экономического, политического развития общества, действие которых проявляется через развертывание социальных противоречий в соответствующих сферах общественной и государственной жизни.

Отдельным видам противоречий, уровням их развития соответствуют свои специфические способы правового воздействия на них. Во-первых, в условиях плюралистической демократии становятся возможными и необходимыми максимальное использование позитивного регулирования социальных противоречий, создание правовых условий для достижения оптимального сочетания, гармонизации противоречивых сторон конфликтной ситуации, которая имеет объективные предпосылки для своего существования. Яркий пример в этом плане — позитивное, многоуровневое регулирование социальных противоречий между государством и гражданским обществом, если иметь в виду самые различные институты и формы деятельности, в том числе оппозиционных политических сил (в связи с этим — вплоть до законодательного закрепления статуса субъектов оппозиционной деятельности). Во-вторых, установление норм, ориентирующих на постепенное преодоление различий между сторонами социального противоречия, в том числе в подходе к решению конкретной конфликтной ситуации (здесь могут быть как поощрительные или обязывающие нормы, так и институты коллизионного права, судебного контроля и т. д.). В-третьих, запретительное воздействие на социальные противоречия и конфликты, которые обнаруживаются не только в виде антиобщественных действий, преступлений, терроризма и т. п., но и, например, как захват власти или присвоение властных полномочий (ч. 4 ст. 3 Конституции РФ), дискриминация (ч. 2 ст. 19), монополизация, недобросовестная конкуренция (ч. 2 ст. 34). Каждый из этих методов находит реализацию в конкретных правовых институтах и нормах различных отраслей права, имеющих в конечном счете конституционное обоснование.

Одновременно Конституция призвана определять и институциональные средства разрешения социальных противоречий, среди которых можно выделить две основные разновидности:

1) всеобщие, универсальные институты, которые в государстве могут быть использованы для разрешения любых социальных противоречий и конфликтов;

2) специальные институты, имеющие конкретно целевое назначение с точки зрения разрешения социальных противоречий и конфликтов в определенных национальных государственных и правовых системах.

К универсальным институтам разрешения социальных противоречий относятся конституционные институты: разделения властей по горизонтали (ст. 10) и вертикали (ст. 11, 12); федерализма (ст. 5); политического и идеологического многообразия, многопартийности (ст. 13); экономического плюрализма, множественности форм собственности (ст. 8), равно как и комплексные по своему характеру институты социального государства (ст. 7), с одной стороны, и правового государства (ст. 1) — с другой (с их несовпадающими конкурирующими конституционными ценностями) и т. д.

К специальным, предусмотренным Конституцией РФ, относятся, например, институты: роспуска Государственной Думы РФ (ст. 109); президентского вето (ст. 107); недоверия Правительству РФ (ст. 117); петиций (ст. 33); индивидуальных и коллективных трудовых споров, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37); судебного обжалования решений и действий органов государственной и муниципальной власти, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46).

Эффективное функционирование соответствующих институционально-правовых механизмов разрешения социальных противоречий, в том числе с активным использованием института конституционного правосудия, является важным условием и одновременно показателем эффективности Конституции РФ, зрелости сложившейся в обществе и государстве всей системы современного конституционализма.

Сущностные особенности Конституции (в ее соотношении с социальными противоречиями) находят свое подтверждение в предметных характеристиках данного акта, к которым относятся *власть* — *свобода* — *собственность*. Это своего рода основополагающее конституционное триединство, отражающее саму суть тех отношений и явлений, которые получают закрепление в Основном законе.

По существу, цивилизационной закономерностью развития современных конституций является усиление государственно-правового влияния на отношения власти, свободы, собственности как основополагающие компоненты современных конституционных (социально-политических, экономических) систем. Но юридизация должна оцениваться не по количественным показателям с ориентацией на объемы нормативно-правового массива, например рыночного законодательства, не только как средство нормирования, упорядочения соответствующих отношений, но, прежде всего, как инструмент разрешения противоречий, поиска баланса между властью, свободой, собственностью. Гармонизация политической и экономической власти в соотношении со свободой — первостепенная задача и вытекающая из этого самоценность Конституции.

Таким образом, с одной стороны, Конституция является нормативно-правовым носителем высших правовых ценностей, получающих воплощение в ее институтах, нормах, принципах, основах. С другой стороны, сам по себе Основной закон, как особый юридический акт, обладает некими особыми характеристиками. Сама природа Конституции РФ такова, что благодаря повышенной концентрации правовой нормативности, Конституция проявляет свое уникальное значение как в содержательных характеристиках институтов и норм, так и в юридических свойствах.

1.2. ЦЕННОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КОНСТИТУЦИИ

Социальная ценность Конституции традиционно связывается с нормированием общественных отношений, обеспечением устойчивого правопорядка, с возможностью правовыми средствами обеспечивать баланс централизации и децентрализации, оптимальное сочетание свободы и ответственности, равенства и справедливости и т.п. Возможность решения соответствующих вопросов заложена в самой природе, в особых юридических характеристиках Конституции. Вместе с тем, вполне обоснованно говорить и о том, что сами по себе юридические свойства такого уникального правового явления, как Конституция обладают самоценностью. Какие юридические свойства Конституции имеются в виду?

Во-первых, это ценность учредительных свойств Конституции, проявляющаяся в ее нормативном содержании, в особенности

имея в виду главу 1. Ценность этих свойств связана с тем, что именно Конституция учреждает, конституирует всю систему суверенной демократической государственности, утверждает демократические принципы ее функционирования, создает организационно-правовые, институциональные и иные механизмы реализации публичной власти, защиты прав граждан. В этом плане Конституция 1993 г. явилась своего рода основополагающим нормативным, политико-правовым средством легитимации статуса многонационального народа как единственного источника власти в Российской Федерации, носителя суверенитета (ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4). Одновременно, как следует из практики КС РФ, это означает, что Основной закон является конституирующим актом в отношении всей системы государственности и всей ее правовой системы, включая субъекты Российской Федерации, их конституции (уставы), равно как и муниципальные образования с их уставами.

Во-вторых, это ценность верховенства Конституции РФ, что предполагает особое место и значение Конституции как исходного и главенствующего источника всего национального законодательства — федерального и субъектов РФ, определяет муниципальное правовое регулирование и, соответственно, служит единым и универсальным сводом основополагающих нормативно-правовых и нравственно-этических ценностей для всего многонационального народа Российской Федерации, для каждого из входящих в его состав этносов на всей территории РФ (ч. 2 ст. 4). Важно при этом учитывать, что в соответствии с правовыми позициями КС РФ верховенство Конституции проявляется в органическом единстве с общепризнанным принципом верховенства (господства) права, ценностное и нормативно-доктринальное значение которого положено в основу всего содержания Конституции РФ¹. Одновременно и само по себе верховенство права с его требованиями равной для всех меры свободы и справедливости, выступая основополагающим принципом современного демократического правового государства, предстает как важнейшая конституционная ценность.

В-третьих, это ценность высшей юридической силы Конституции. Это предполагает ее активную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции строгой правовой иерархии, если иметь в виду, что ни один правовой акт, входящий в состав право-

¹ См., например, постановления КС РФ от 21 января 2010 г. №1-П, от 19 июля 2011 г. №17-П, от 2 июля 2013 г. №16-П.

вой системы Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Более того, аксиологическое значение данного юридического свойства Конституции фактически составляет основу института конституционно-судебного нормоконтроля, ведь законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), а те акты или их отдельные положения, которые признаны неконституционными, утрачивают силу без дополнительных условий и процедур (ч. 5 ст. 125).

В-четвертых, ценность прямого действия Конституции означает в конечном счете признание юридической самоценности данного акта независимо от степени его конкретизации в текущем законодательстве, так как конституционные нормы являются непосредственным регулятором общественных отношений, определяют способы правореализационного процесса, включая соблюдение, исполнение, использование и правоприменение (ч. 1 ст. 15). Ценность данного свойства усиливается еще и тем, что прямое действие Конституции обеспечивает в итоге признание прав и свобод человека и гражданина как непосредственно действующих (ст. 18 Конституции РФ). Важно при этом учитывать, что именно прямое действие Конституции является своего рода внутренним двигателем ее практической реализации как Основного закона, в связи с чем представляется целесообразным дополнительно обратить внимание на этот вопрос (в заключительной, итоговой части настоящей публикации, касающейся конституционного будущего России, обеспечения последовательной реализации ее Основного закона 1993 г.).

В-пятых, ценностные начала заложены в таком свойстве Конституции, как сочетание юридической стабильности и социокультурного динамизма. В том, что с экономическим, политическим развитием, изменением социальной действительности неизбежно меняется соотношение юридической и фактической конституции, нет сомнений. В этом смысле «отставание» ранее выработанного текста Основного Закона от реальных условий динамично развивающегося общества и государства вполне естественно. Уже по этой причине сам по себе текст конституции никогда и ни в одном государстве, включая и те, где действуют так называемые «жесткие» конституции, не рассматривался и не может рассматриваться с позиций неприкасаемости, недопустимости внесения изменений. Другое дело, что соответствующие изменения, поправки — и это тоже общая, универсальная характеристика современного конституционализма —

должны соотноситься с требованиями стабильности конституции, нерушимости ее основополагающих начал.

Наша Конституция 1993 г. также не является, как это неоднократно отмечалось, в том числе на высших политико-правовых уровнях, священным, неприкасаемым документом. Странно было бы рассматривать текст Основного Закона, который спешно разрабатывался в условиях острого политического и военного противостояния в обществе, неизменным «на все времена».

Но какие изменения текста Основного Закона России 1993 г. возможны и необходимы? В какой мере следует учитывать при поиске ответа на этот вопрос не только политические, но и конституционно-правовые аспекты? Для уяснения данной проблемы необходимо, прежде всего, внимательно проанализировать... сам текст действующей Конституции, ее весьма тонкий *подход к принципу нерушимости Основного Закона*. В этом плане при анализе текста Конституции РФ, как правило, обращается внимание лишь на недопустимость пересмотра ее глав 1, 2 и 9. Не умаляя значения соответствующих положений Конституции (ст. 135), следует признать, что в части конституционного обеспечения принципа нерушимости Основного Закона есть и другие положения, имеющие принципиальный характер и требующие специального толкования.

В частности, внимательный анализ главы 9 свидетельствует о том, что *вмешательство в текст Конституции допускается в двух формах*: это, во-первых, *поправки* и, во-вторых, *пересмотр*. Пересмотр предполагает в конечном счете как известно, принятие новой Конституции. А как необходимо толковать конституционное понятие «поправки» («конституционные поправки»)? Возможно ли с помощью «поправок» внести любые иные изменения в текст Конституции, кроме связанных с пересмотром глав 1, 2 и 9, в том числе, например, дополнить новыми нормами, институтами и, соответственно, новыми главами? Этот вопрос, не исключая, может стать предметом официального (либо казуального) толкования Конституционного Суда. Поэтому, как судья КС РФ, ограничусь лишь общими соображениями, вытекающими из систематического (в сочетании с грамматическим) толкования конституционно значимых понятий «поправки», «дополнения», «изменения» Конституции.

Понятие «поправить» в русском языке имеет достаточно определенный, более конкретный (по сравнению с понятиями «изменение», «развитие») смысл, означающий — «исправить», «улучшить»,

«выпрямить»¹. Поэтому из самого текста Конституции, грамматического толкования соответствующего понятия вытекает, что *поправки к Конституции* должны касаться конкретных вопросов, относиться к отдельным нормам и институтам конституционного права, нуждающимся в «улучшении», «исправлении»; в политико-правовом лексиконе такая форма вторжения в текст Конституции получила определение «точечных» изменений², которые вполне возможны. Но они могут приниматься лишь тогда, когда по тем или иным причинам (как правовым, формально-юридическим, так и политическим, что тоже не исключается и вполне соответствует самой природе Конституции как политико-правового документа) необходимость «исправления» текста Конституции не может быть проигнорирована конституционным законодателем. Это подтверждается и новейшей практикой конституционного развития России: при всем многообразии оценок, касающихся принятых 30 декабря 2008 г.³, 5 февраля и 21 июля 2014 г.⁴, поправок к Конституции 1993 г., все они соответствуют указанным требованиям, в том числе основаниям и предпосылкам внесения поправок в действующую Конституцию РФ.

При этом, как представляется, необходимо различать, с одной стороны, *формальные*, в том числе политико-правовые, и, с другой стороны, *материальные основания и предпосылки изменения Конституции*. В первом случае — при наличии убедительных социальных, правовых, политических и иных причин и условий, свидетельствующих о необходимости корректировки, точечной правки текста Конституции — становится возможной постановка вопроса о внесении поправок в одну из глав (3–8) Конституции РФ (ст. 136). Во втором случае, при возникновении оснований для постановки вопроса о материальных основаниях и предпосылках изменения Конституции, речь уже должна идти о том, каковы механизмы обес-

¹ М.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо-пресс, 2000. С. 506.

² См., напр.: Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2011. С. 24.

³ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // СЗ РФ. 2009. №1. Ст. 2; Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. №1. Ст. 2.

⁴ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. №6. ст. 548.

печения соответствия юридической Конституции развивающейся фактической конституции общества и государства.

В этом плане важно *установление допустимых пределов пересмотра текста конституции*. При этом возможны, по крайней мере, два основных подхода к законодательному решению этого вопроса. Один из них — *предметный*, предполагающий указание в тексте конституции на те сферы (институты), которые составляют суть, основу конституционного правопорядка страны и которые не могут быть изменены путем внесения поправок в конституцию; такой подход, определяющий предметные (материальные) пределы пересмотра конституции, реализован, например, в Основном Законе ФРГ, конституциях Мексики, Португалии, Италии и др. Иной подход — *структурный* (формально-юридический), он сводится к указанию на конкретные структурные части Конституции (главы, статьи), исключающие возможность внесения в них изменений. В Конституции РФ 1993 г. реализован именно этот, второй, подход: в основу ограничителей на внесение в нее поправок положен такой формально-определенный критерий, как указание на конкретные главы, которые не могут быть пересмотрены (1, 2 и 9).

Однако, несмотря на то, что Конституция РФ формально устанавливает запрет на пересмотр своих конкретных глав (ч. 1 ст. 135), такой запрет необходимо воспринимать в нормативном единстве с предметным содержанием этих глав, в частности с учетом содержательных характеристик норм и институтов основ конституционного строя, прав человека и гражданина. В этом плане недопустимо посредством «поправок» вторгаться в институты конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина (хотя в научной литературе такие предложения есть¹).

Вместе с тем, как свидетельствует исторический опыт современного конституционализма, имеются иные возможности развития, модернизации основных законов без вторжения в сам по себе текст конституции. Они заложены, в частности, в институте конституционного правосудия. Показательны в этом плане слова Уи-

¹ См., напр.: Румянцев О. Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. №2 (38). С. 10–21. В этом же номере данного журнала имеется полемическая статья с критической оценкой предложенных О. Г. Румянцевым подходов (См: Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста. Там же. С. 22–34).

льяма Джозефа Бреннана, одного из знаменитых судей Верховного суда США (в период с 1956 по 1990 г.): «Гениальность Конституции не в неизменности смысла, который она имела в мире, ныне ушедшем в далекое прошлое, но в способности ее основных принципов приспособляться к текущим проблемам и нуждам»¹. Эта мысль, как представляется, означает, что «гениальность Конституции» необходимо определять не на основе текста, буквы, а на основе духа этого уникального политико-правового акта, воплощением которого являются, прежде всего, принципы, основы, ценности, получающие нормативное признание на конституционном уровне. Именно в них заложен основной потенциал незыблемости Конституции: в силу самой специфики своей политико-правовой природы они не подвластны законодателю. Но они могут развиваться, обогащаться, в частности с помощью средств конституционного нормоконтроля, вместе с развитием общества и государства, с изменением конкретно-исторических условий конституционного развития страны.

Обладает ли такой «гениальностью» наша Конституция? Предусматривает ли она механизмы своего собственного развития, нормативного обогащения, в том числе без изменения (дополнения) текста конкретных статей, глав Основного Закона? Представляется, что есть все основания для положительного ответа на эти вопросы. Но подробнее об этом — в следующей главе настоящей публикации.

Значение Конституции определяется, таким образом, как существенными и содержательными характеристиками, так и уникальными юридическими свойствами этого документа. С учетом этого необходимо подходить к оценке места и роли Конституции в современной правовой жизни.

1.3. КОНСТИТУЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И (ИЛИ?) СУВЕРЕНИЗАЦИЯ

При анализе соответствующей проблемы важно учитывать, что современную правовую жизнь, кризис конституционализма необходимо рассматривать не в узко-юридическом плане, а в качестве системных вызовов в отношении всей современной правовой ци-

¹ Речь У. Д. Бреннана в университете Джорджтауна. Цит по: Лахути Нодар. Правила жизни Уильяма Бреннана // Право.Ru. 05.08.2013.

визации, которая одновременно может быть представлена и как цивилизация права¹.

В этом отношении на первый план выходит вопрос о самой природе, глубинных характеристиках перемен в законодательстве и в современной правовой жизни в целом². В качестве ответа на него может быть предложен — по крайней мере, в порядке дискуссии — тезис о том, что в основе сегодняшних глобальных перемен, включая правовую жизнь с ее конкуренцией, столкновением, появлением неких новых конституционных ценностей (как-то — «конституционно-сексуальное» равенство, равенство однополых браков, которое уже сегодня признано законами 46 государств мира, 27 из которых являются членами Совета Европы³) лежит не столько политико-идеологическая или, тем более, «классовая» борьба, сколько социокультурное противостояние. Отказавшись от признания какой-либо идеологии в качестве «государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ), мы тем не менее не смогли уйти от борьбы идей, противостояния политико-правовых, конституционных в своей основе ценностей; более того, эта борьба имеет тенденцию к обострению, приобретает качественно новые проявления: речь идет теперь о новой идеологии социокультурного противостояния, балансирующего сегодня между миром и войной (имея в виду в том числе и новые формы войн — информационные, санкционно-экономические, гибридные и т.п.). «The West and the Rest» (Запад против всех остальных) — создается впечатление, что во многом таков лейтмотив социокультурной линии развития современной цивилизации, в том числе в правовой сфере.

¹ Комплексный анализ этих процессов в их глубинном проявлении содержится в работах Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина. См., например: Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015; Зорькин В. Д. Право против хаоса. Изд-е 2-е. М.: Норма, 2018.

² Эти вопросы системно исследуются, в особенности в связи с развитием законодательства, учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. См., напр.: Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. Отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: ИД Юриспруденция, 2015; Хабриева Т. Я. Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. №1; Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. №8.

³ State-sponsored homophobia. A world survey of sexual orientation laws: criminalisation, protection and recognition.2016.11ted. // URL: https://www.ilga.org/sites/default/files/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf.

Недавний настрой на партнерство цивилизаций, сближение, конвергенцию правовых систем (импульс которому был задан так называемым «перестроечным» периодом) сегодня трансформируется в противостояние социокультурных цивилизаций¹, их конституционно-правовых систем. Важно при этом учитывать, что сохраняющиеся, но получающие все более противоречивые формы своего проявления процессы правовой глобализации ведут не к усилению взаимопонимания, преодолению различий, усилению правового и тем более — социального равенства, а к углублению пропасти неравенства как на национальных, так и межнациональном уровнях, включая удаление от конституционно значимых ориентиров наднациональных юрисдикционных механизмов с их политизированными двойными международно-правовыми стандартами.

В связи с этим возникает естественный, принципиально важный в методологическом плане вопрос: действительно ли глобализация способна оказать столь серьезное влияние на современную правовую жизнь, что возможен (и необходим) пересмотр значения национальных конституций и признаваемых ими конституционных ценностей, провозглашение приоритета международно-правовых норм над нормами национальных конституций?

При поиске ответа на этот вопрос важно понимать, какой смысл вкладывается в само понятие правовой глобализации? Каково сегодня реальное, а не декларативно-демагогическое отношение к ней на Западе? Примечательными являются в этом плане прозвучавшие совсем недавно, на Генеральной ассамблее ООН 25 сентября 2018 г., следующие слова: «Мы отвергаем теорию глобализма и верим в доктрину патриотизма... По всему миру ответственные страны должны противостоять угрозам суверенитету не только со стороны глобальных правительств, но также и иным новым формам соправительства и доминирования». Еще недавно трудно было бы даже предположить, что эти слова могут принадлежать не какому-то протестующему на митинге, например, одной из западных столиц антиглобалисту, а ... Президенту США. Но в данном случае это именно так: Дональд Трамп в своем выступлении в ООН

¹ В этом плане несомненный интерес представляют идеи Сэмюэля Хантингтона, его взгляды относительно перехода в современных условиях от войны идеологий к противостоянию цивилизаций. См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

жестко противопоставил глобализм суверенитету и понимаемой им доктрине патриотизма¹.

В конституционно-правовом измерении это предполагает, что в условиях глобализации ценность конституции и получающих закрепление в ней национальных ценностей и интересов не только не ослабевает, а, напротив, возрастает; более того, сами глобализационные процессы могут и должны рассматриваться, как нам на этот раз не без оснований напоминают из-за океана, сквозь призму не приоритета норм международного права над национальным законодательством и, тем более, над конституцией, а в соответствии с идеей патриотизма, в том числе конституционно признаваемого. В этих подходах, провозглашающих антиглобализм, национальный патриотизм в качестве государственной политики, — проявление нового взгляда не только на расстановку приоритетов в соотношении универсальных (всеобщих) и национально-специфических начал в конституционном регулировании, но и на степень императивности норм международного права в их соотношении с национальными конституциями в современном миропорядке².

Для России с ее самобытной конституционно-правовой историей и с учетом современных международно-правовых условий это особенно актуально. В связи с этим уместно напомнить, что само принятие Конституции РФ 1993 г. стало, по оценке Председателя КС РФ В. Д. Зорькина, результатом колоссальных перемен, осуществлявшихся в нашей стране и связанных с крушением социалистической системы, что, в свою очередь, обусловило существенные изменения и в правовых основах миропорядка³. Дальнейшие конституционные преобразования, происходившие в течение последних 25 лет в России, явились в этом плане не только отражением, но и фактором дальнейших изменений, преобразований в глобальных процессах современной цивилизации. При этом и сама идея признания безусловной ценности суверенитета как основы современного миропо-

¹ URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html> (дата обращения: 06.11.2018 г.).

² В связи с этим остается хотя бы попутно вспомнить, с какой ожесточенной критикой было воспринято на Западе Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. №21-П, в котором было прямо указано, что никакие решения наднациональных юрисдикционных органов «не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ» // СЗ РФ. 2015. №30. Ст. 4658.

³ См.: Зорькин В. Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. 2018. №4. С. 1.

рядка, т. е., говоря конституционно-доктринальным языком, идея конституционного патриотизма (родиной которой является, кстати, Германия) именно в этот период впервые была провозглашена от имени России на международно-правовом уровне (в Германии) — в известной речи Президента РФ В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности 10 февраля 2007 г.¹ Впоследствии именно решительное отстаивание Россией своих национальных интересов, конституционный патриотизм во многом стали причиной принятия санкционных мер, нарастания русофобских настроений среди политических элит западного мира.

Особо острой является проблема конкуренции конституционных ценностей, лежащих в основе современных процессов глобализации и правового прогресса. В частности, игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и уже нередко приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего — не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета.

Это в одинаковой мере опасно как для внутригосударственного, так и для международного мироустройства, что с особой остротой проявилось в контексте глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств. Политика двойных стандартов, когда на международном уровне (включая ООН, Евросоюз и т. п., не говоря уже об отдельных государствах) за одними народами признается правомерность борьбы за государственное самоопределение (например, Косово), а другие народы такого права лишаются, может привести к разрушению основополагающих принципов современного международного права и заложенных в них ценностей. Поиск же баланса между соответствующими несовпадающими ценностями должен основываться, во-первых, на безусловном признании коллизионного единства указанных и всех других основных принципов

¹ Асимметричный ответ. Стенограмма речи Президента РФ В. В. Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 г.) // URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 06.11.2018 г.).

современного международного права (закрепленных, в частности, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.); во-вторых, на понимании (и признании!) того, что попрание тем или иным государством одного принципа (в частности, принципа равноправия и самоопределения народов) лишает данное государство права ссылаться на другие принципы, включая принцип территориальной целостности: ценность ни одного из принципов международного миропорядка не может рассматриваться как абсолютная, не зависящая от ценностных характеристик других принципов.

В процессе же конституционализации соответствующих общепризнанных принципов международного права (применительно к Российской Федерации это, например, ч. 3 ст. 5 в системном единстве с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) создается дополнительный нормативно-правовой потенциал для поиска баланса и преодоления коллизии между ними на основе проникновения внутригосударственных юридико-правовых начал в сферу международных отношений.

Одним словом, правоглобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития и защиты; происходит взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов и противоречий, а преобразование жизнедеятельности конкретного общества и государства обуславливается системой универсальных принципов развития всего человечества.

В этом плане один из главных вопросов, с которым уместно обратиться к Конституции России 1993 года, — это вопрос о ее исторической роли и особенностях реализации в условиях современных вызовов праву, глобального кризиса современного конституционализма.





2. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ПРАВУ

Для понимания того, какие основные угрозы стоят перед правом на современном этапе и для определения возможностей воздействия на них со стороны Конституции, необходимо напомнить, что состояние права, в своей основе, рефлекторно отражает состояние общества, его экономические, социальные, политические противоречия, а Конституция как ядро национальной правовой системы является по своим сущностным характеристикам порождением и институционно-правовой матрицей разрешения социальных противоречий в обществе и государстве.

2.1. ДЕФИЦИТ КОНСТИТУЦИОННОГО РАВЕНСТВА — ГЛАВНАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ПРАВОПОРЯДКУ

Наиболее острые противоречия, наибольшая угроза для самого права сегодня связана с проблемой, которую можно сформулировать как *глобальный дефицит конституционного равенства*. Само понятие конституционного равенства предполагает, что данный принцип требует не только признания формально-юридических стандартов равенства, но и наполнение этого принципа социальным содержанием на основе конституционных требований справедливости (Преамбула Конституции РФ 1993 г.), достоинства личности (ст. 21) и в соответствии с этим — недопустимость несправедливого, конституционно необоснованного неравенства в любой сфере социального бытия, будь то экономика или политика, образование или здравоохранение, правосудие или государственное, муниципальное управление.

В этом плане нормативная модель конституционного равенства воплощает в себе единство формально-юридических, нравственно-этических, социокультурных начал. Возможно, эта мысль покажется недостаточно выверенной в научном плане, в своей основе, эмоционально-публицистически сформулированной, но при определении регулятивно-правоохранительного и, стало быть, нормативно обязывающего (императивного) потенциала требования конституционного равенства необходимо, как представляется, учитывать, по крайней мере, три органически взаимосвязанных начала

его нормативности: *во-первых*, требование равенства индивида как человека (своего рода, биологическая нормативность, имеющая происхождение от рождения человека, его «равенство перед Богом»); *во-вторых*, равенство индивида как личности (социокультурная, нравственно-этическая нормативность требований равенства перед обществом); *в-третьих*, равенство индивида как гражданина (формально-юридическая нормативность равенства перед государством, законом, судом).

В этом — проявление единства биологического и социального, божественного и земного не только в самом по себе происхождении человека и его «вхождении» в социум, но и в статусных характеристиках, взаимоотношениях человека и гражданина с обществом и государством. В таком «триединстве» покоятся глубинные, своего рода сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические, начала равенства в их конституционном отражении. В таком понимании нормативный императив категории конституционного равенства не ограничивается формально-юридическим содержанием; *конституционное равенство не может отождествляться ни с понятием равноправия, ни с равенством перед законом*. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория: она включает в себя нормативные требования и равноправия и равенства перед законом, что одновременно усиливается нормативностью социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в нормативном эквиваленте равенства. На этой основе становится возможным юридическое оформление конституционного равенства как всеобъемлющей категории, которая включает: 1) право на равенство; 2) принцип, исходное основание для всей системы правового регулирования; 3) особый демократический правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности; 4) базовая социально-правовая (конституционная) ценность. Гиперболизированное же понимание принципа формального равенства — в ущерб социальным началам режима равноправия, социально-распределительным возможностям права, вытекающим из дифференцированных подходов в правовом регулировании для выравнивания условий и возможностей пользования основными правами — одна из наиболее серьезных, глобальных угроз, которые несет в себе либеральное восприятие конституционных ценностей. Неслучайно, в качестве основной угрозы современному общественному договору в демо-

кратическом обществе Всемирный банк рассматривает неравенство, несправедливость в распределении благ¹.

Это как раз и позволяет охарактеризовать конституционное равенство не только как принцип, исходное основание всей системы правового регулирования, как особый правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такую всеобъемлющую категорию, в которой воплощаются сущностные характеристики права как равной для всех меры свободы. Имея в виду, что, говоря словами Аристотеля, «со схожими следует поступать схожим образом». КС РФ сформулировал конституционную формулу равенства следующим образом: конституционный принцип равенства требует равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях². В последующем, в своих многочисленных решениях КС РФ конкретизировал различные уровни, формы проявления «равного обращения» в «равных условиях». Соответственно, *дефицит конституционного равенства как глобальный вызов современному праву способен деформировать не только любую национальную систему законодательства и правоприменения, но и саму природу права*, этого удивительного явления современной цивилизации, без которого было бы невозможно обеспечение равной для всех меры свободы.

Что же касается самого по себе кризиса конституционного равенства, то он, конечно, имеет, в своей основе, внеправовые, метаюридические корни. Речь идет, прежде всего, о приобретающем все более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными странами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. Когда 82% всех богатств принадлежит 1% населения Земли, причем состояние самых состоятельных жителей росло за последние 7 лет в 6 раз быстрее, чем заработные платы рабочих и служащих и в результате, по недавним подсчетам организации Oxfam, восьми богатейшим людям мира принадлежит столько капитала, сколько половине всего человечества³, неизбежно возникают конституционно значимые вопросы

¹ См.: Общественному договору угрожает неравенство // Коммерсантъ. 2018. 26 сентября.

² См., напр.: Постановления КС РФ: от 9 июля 2009 г. №12-П, от 1 июля 2014 г. №20-П, от 13 апреля 2016 г. №11-П.

³ См.: Яковлева Е. Восемь с половиной // Росс. газ. 2018. 14 февраля. №32 (7495). С. 9.

о социальной справедливости, правах человека, достоинстве личности и возможностях решения соответствующих проблем с помощью права как «равной для всех меры свободы».

Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства, угрожающего самим основам социальной стабильности и демократического развития современных государств, — один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравенства — прямой путь к социальным потрясениям и революциям. При этом очевидна эрозия традиционных, классических представлений о ценностях современного конституционализма, которая затронула все пласты содержательных характеристик всеобъемлющего института конституционного равенства: нормативно-правовые, нравственно-этические, социально-экономические, национально-этнические, демографические, пространственно-территориальные, религиозно-конфессиональные и т. д.

В этом плане проблема конституционного равенства сегодня одинаково актуальна в формально-юридическом, социальном, нравственно-этическом, социокультурном планах. Сухая статистика свидетельствует, что современная Россия — на одном из первых мест по глубине социальной, имущественной дифференциации, по неравенству распределения богатств: на долю 1% самых богатых россиян приходится более 70% всех личных активов в России (в мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17%). Россия также лидирует в мире по доле самых состоятельных 5% населения (это более 80% всего личного богатства страны). Похожие процессы — на микроэкономическом уровне: заработная плата руководителя частной российской компании превышает оклад рядового работника в 20–30 раз (по оценкам независимых экспертов, эта разница заметно выше); различия между минимальной и максимальной оплатой в рамках отрасли составляют в РФ 20–40 раз и еще больше — между регионами.

При этом, как свидетельствует исторический опыт, вопросы равенства и справедливости всегда актуализируются в переломные периоды развития общества и государства, что имеет место и в современной России: переход к рыночной экономике и плюралистической политической демократии сопровождается серьезными из-

менениями наших представлений об этих вечных ценностях современной цивилизации.

Процесс утверждения в нашей стране новых конституционных ценностей, основанных на признании приоритета человека, его прав и свобод, переход к развитию Российской Федерации как демократического правового государства настоятельно потребовали решительного отказа от господствовавших ранее на протяжении десятилетий нашей истории искаженных представлений о социальном и правовом равенстве. Это предопределило, в свою очередь, новый вектор развития научных идей, необходимость пересмотра концептуальных подходов к анализу соответствующих проблем с учетом качественно новых принципов взаимоотношений личности с обществом и государством. Нельзя, вместе с тем, не видеть, что политические и экономические преобразования в стране, в особенности, проведенные в 1990-е годы, породили глубокие противоречия, в том числе в виде новых проявлений неравенств. В то же время потенциал Конституции РФ 1993 года, достаточно определенно закрепившей социальную природу новой Российской государственности (ст. 7, 38–43 и др.), который мог быть использован для противодействия негативным тенденциям и эффективного решения соответствующих проблем, оказался далеко не в полной мере востребованным. Более того, приоритетное значение приобрели в этот период так называемые рыночно-экономические нормы Конституции РФ — ст. 8, 9, 35, 36 и др. в их понимании на практике — далеко не в полной мере соответствующие глубинному содержанию самих ее принципов и духа.

Это потребовало со стороны КС РФ внесения существенных коррективов в истолкование соответствующих конституционных положений, формулирования на основе вытекающих из основополагающих принципов, ценностей нашей Конституции правовых позиций о социальной ответственности частного предпринимательства, социально ориентированной природе находившейся на начальных этапах формирования на тот момент рыночной экономики России¹. Собственность предполагает необходимость несения обременений, обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает предпринимательская деятельность с использованием частной собственности (Постановления КС РФ от 18 июля

¹ См.: Постановления КС РФ: от 24 февраля 2004 г. №3-П // СЗ РФ. 2004. №9. Ст. 830; от 10 июля 2007 г. №9-П // СЗ РФ. 2007. №29. Ст. 3744.

2008 года №10-П, от 24 июня 2009 года №11-П, от 13 февраля 2018 года №8-П). Из этих же подходов вытекают конституционно обоснованные начала взаимоотношений бизнеса и власти, необходимость поиска разумной меры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, «распыления» экономической власти на основе активно развивающихся отчужденных ее форм в виде частного капитала, в том числе, к сожалению, криминального, и т. п.¹ Все это имело принципиальное значение для понимания предельно обобщенных (в части регулирования экономических отношений) положений самого по себе текста Конституции РФ 1993 г. и, соответственно, для повышения его эффективности как правового инструмента социально-экономических преобразований.

2.2. ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НАЧАЛ В ПРАВЕ, ОТРЫВ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВ

С проблемой преодоления дефицита конституционного равенства, в том числе в социально-экономическом плане, напрямую связана и другая глобальная угроза современному праву — его отрыв от нравственно-этических основ.

Сегодня очевидными становятся попытки придать праву значение одного из основных орудий не взаимодействия и сотрудничества, а санкционно-конфронтационного противоборства, социокультурного противостояния. В этих условиях, по существу, наблюдается новая волна политизации права, ее своего рода социокультурная (в отличие от классово-политической) идеологизация, когда в качестве неких общих, универсальных правовых стандартов и принципов выдвигаются представления о праве, о конституционализме, свойственные одной конкретной культурно-правовой традиции. Как определенная реакция на эти процессы — непропорциональное усиление (доминирование) в отдельных странах, регионах современного мира религиозных, этнонациональных, иных геополитических факторов правового регулирования. На этой основе — противоречивые, нередко диаметрально противоположные процессы активной секуляризации законодательства в западных демо-

¹ Подробнее см.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017.

кратиях, с одной стороны, и столь же активная, порой воинственная клерикализация права и закона в других регионах мира, особенно в странах мусульманского фундаментализма, с другой. Очевидно, одна из этих крайностей превращает право и закон в оторванную от реальных условий жизни, от важных для нее неправовых нормативов формальность, а вторая способна опровергнуть верховенство права, в том числе в соотношении с иными социальными регуляторами.

Отрыв права и закона от общей системы социокультурной нормативности сказывается и на представлениях о Конституции, которая может восприниматься в этих случаях как формально-технологичный, инструментальный акт, а не социально-правовая, социокультурная институция упорядочения современной жизни. В основе этого лежит иллюзорное представление о законе государства как некоем самодостаточном инструменте социальных преобразований, не обусловленном вытекающими из жизни общества его нравственных характеристик, духовного содержания.

Между тем, верховенство права, предопределяющее верховенство и прямое действие Конституции, реализуется в условиях общей социальной нормативности и связано с действием социокультурных, нравственно-этических начал, поскольку правовая норма всегда существует в определенном социальном контексте. Конституция исходит из идеи правового закона, в которой содержательные характеристики равной меры справедливости увязываются с формально-юридической определенностью, всеобщностью и общеобязательностью. Соответственно, и сама Конституция рассматривается не только как основной юридический закон, а как формализованная ценностно-нормативная система, обладающая своего рода духовной сакральностью¹.

Исследование духовных начал Конституции как явления социальной жизни предполагает использование весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только научно аргументированных знаний о глубинных, сущностных характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа на основе веры в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в Конституции положений.

¹ См.: Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. №1 (61). С. 10.

Именно вера (и основанное на ней доверие) как относительно самостоятельная философско-мировоззренческая система взглядов и оценок представляет собой форму отражения скрытых от внешнего восприятия сакральных характеристик Конституции, которые воплощаются не в букве, а в духе этого уникального документа.

В этом плане, с известной долей условности можно сказать, что существуют ощутимые различия в представлениях об указанных идеалах и подходах, свойственные англосаксонской правовой системе, с одной стороны, и романо-германской (континентальной) правовой системе — с другой. Не вдаваясь в детали исторического правогенеза, можно отметить, в частности, воспринятый романо-германской системой права от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, а также высокий уровень развития в ней нравственно-этических начал. И это далеко не случайно. Нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходно-генетическом плане переведены с языка греческой философии на язык точных юридических формулировок римского права, а в дальнейшем получили развитие и методологическое подкрепление через активное влияние на континентальное право классической немецкой философии. Примечательной в этом отношении является широко известная сентенция И. Канта о том, что «право — это самое святое, что есть у Бога на земле».

Обращаясь к осмыслению приведенной кантовской максимы, можно задаться вопросом о том, что же придает праву столь высокий уровень святости? Очевидно, что таким источником едва ли могут служить формально-юридические характеристики права. При всей важности соответствующих свойств права нужно признать, что основным, решающим фактором, возвышающим право в системе социальной нормативности, являются выраженные в праве требования равенства и справедливости. В этом плане юридическое обоснование, в частности, категории справедливости составляет ключевую задачу как античной и средневековой, так и современной конституционной юриспруденции.

Объекты конституционного воздействия представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых человеческие поступки и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации) оцениваются прежде всего с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливо-

сти, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью. При этом глубинные основы духа Конституции РФ (как своего рода юридического зеркала, отражающего внутреннее состояние, корни духовных сил многонационального народа) сосредоточены в ее сущностных характеристиках. Выявление глубинных, сущностных начал Конституции связано с погружением в природу как раз таких основополагающих явлений конституционной действительности, как свобода, власть, собственность в их коллизийном триединстве. При этом речь идет не столько о формально-юридических, сколько о социокультурных характеристиках этих явлений, а стало быть, и соответствующего документа как показателя реально достигнутого в обществе и государстве баланса между свободой и властью, включая власть экономическую. Ответы на эти вопросы содержатся в Конституции, если презюмировать ее реальный, не фиктивный характер.

Никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры и нравственности, ценностных характеристик правовых и социальных явлений. Сама категория «нравственность» признается как конституционно значимая — и не только в России, где в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ нравственность рассматривается как одна из целей, для достижения которой могут вводиться ограничения основных прав. Несмотря на то, что этот термин активно задействован в российском отраслевом законодательстве (сейчас это 31 федеральный закон), но он не получил своего содержательного раскрытия в виде легальной дефиниции; как правило, речь идет о воспроизведении в отраслевых законах общей формулы названной статьи Конституции о возможности ограничения тех или иных основных прав в интересах нравственности. А потому вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения нравственных ценностей в систему действующего законодательства остается весьма актуальным. Надо признать, что сегодня имеют место лишь отдельные и довольно робкие попытки позитивной юридизации выраженных в духе Конституции нравственных ценностей, их правового обеспечения как необходимых регуляторов практической жизни. Между тем, только с учетом

соответствующих факторов и явлений правовой действительности возможно выявление глубинных внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного конституционализма, в том числе сквозь призму соотношения буквы и духа национальной Конституции.

На этой основе становится возможным уяснить также глубинный смысл, природу Конституции 1993 г., не приукрашенное историческое значение, имея в виду не только уникальные юридические свойства, но и те характеристики данного документа, которые могут стать (и, при определенных условиях, становились) источником политических иллюзий и правового романтизма, надежд и разочарований, равно как и конституционных прозрений и новых обретений.

В качестве иллюстрации можно было бы привести в этом плане, по крайней мере, несколько примеров, основанных на конкретных положениях действующей Конституции. Но, пожалуй, в наиболее острой форме — с точки зрения возможных проявлений правового романтизма и политических иллюзий — это проявилось в конституционно-правовых иллюзиях, связанных с абсолютизацией примата международного права.

2.3. ОТ ИЛЛЮЗИЙ АБСОЛЮТИЗАЦИИ ПРИМАТА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА — К ОТСТАИВАНИЮ ПРАВОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Отмечая международно-правовые аспекты современных угроз праву, следует отметить, что в рамках российского конституционализма речь идет, прежде всего, о положениях части 4 ст. 15 Конституция РФ, на основе которых осуществляется проникновение наднациональных ценностей современного конституционализма в пространство российской правовой системы, обеспечивается их определенное взаимодействие с национальными конституционными и вместе с тем открываются возможности для дополнительного обеспечения, гарантирования и защиты национальных конституционных ценностей наднациональными институтами (ч. 3 ст. 46, ст. 79).

Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) исходит из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом,

то применяются правила международного договора. В силу соответствующих положений Конституции РФ предполагается, в частности, что реализация ценностей, принципов, институтов национального конституционализма обеспечивается не только внутригосударственными правовыми механизмами и юрисдикционными процедурами, но и за счет применения международных, в том числе региональных, средств защиты права и, соответственно, в рамках функционирования наднациональных контрольно-юрисдикционных институтов. Такое взаимодействие национальных и наднациональных элементов в реализации ценностей конституционализма присуще не только России, но отражает общую тенденцию развития цивилизации. В пределах Европы, например, оно выражается в формировании общеевропейского конституционного пространства.

Проникновение в национальную правовую систему универсальных ценностей, особенно если иметь в виду возможности их определенной интерпретации наднациональными органами, связано с возникновением конфликтов и коллизий, что в последнее время в особо острой форме проявилось во взаимоотношениях национальной юрисдикции конституционного правосудия с европейской конвенционной юрисдикцией (в лице ЕСПЧ) в вопросах обеспечения основных прав и свобод человека. Оценивая данную ситуацию, важно обратить внимание на следующие моменты.

КС РФ, пожалуй, впервые среди национальных органов конституционного правосудия Европы сделал столь значимый вывод, касающийся юридической природы конвенционных прав и свобод: «...Права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции Российской Федерации»¹. Речь идет, таким образом, о признании принципиальной идентичности конвенционных и национальных конституционных прав и свобод, из чего КС РФ делает еще один, не менее принципиальный, вывод: «Подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации — в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения — предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения

¹ См.: Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. №4-П, абз. второй подп. 3.3 мотивив. части // СЗ РФ. 2010. №11. Ст. 1255.

принимаемых ими решений»¹. В этом находит свое подтверждение тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и своего рода конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отношений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства.

Тем не менее, это не означает, что Россия безусловно связана теми интерпретациями конвенционных положений, которые, даже следуя доминирующим в Европе ценностным предпочтениям, дает Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), если подобные интерпретации предполагают принятие на национальном уровне мер, идущих вразрез с национальной системой конституционных ценностей. В Постановлении от 14 июля 2015 г. №21-П КС РФ сформулировал принципиальный подход по этому вопросу, который сводится к тому, что, будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий, что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета; исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановления ЕСПЧ, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных ЕСПЧ в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ. КС РФ установил в соответствии с этим, что суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием ЕСПЧ постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации

¹ См.: Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. №4-П, абз. второй подп. 3.3 мотививр. части // СЗ РФ. 2010. №11. Ст. 1255.

прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в КС РФ о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого ЕСПЧ было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в КС РФ с запросом о проверке их соответствия Конституции РФ. Иные государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в КС РФ для решения вопроса о возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если КС РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции РФ, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению; Президент РФ, Правительство РФ — поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в КС РФ с запросом о толковании соответствующих

положений Конституции РФ в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При этом практика показывает, что отстаивание посредством конституционного правосудия национальной конституционной идентичности связана с поиском гибких, сбалансированных подходов, позволяющих учесть, насколько возможно, международные обязательства, поскольку они совместимы с конституционным правом порядком. В Постановлении КС РФ от 19 апреля 2016 г. №12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», касавшемся признания активного избирательного права за осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы по приговору суда, и в Постановлении КС РФ от 19 января 2017 г. №1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», КС РФ предложил варианты, которые позволяют в определенной мере учесть в регулятивной и правоприменительной практике России высказанные ЕСПЧ правовые подходы, в том числе по таким чувствительным для России вопросам, разрешению которых были посвящены указанные Постановления КС РФ и соответствующие им решения ЕСПЧ.

В целом представленные подходы России в лице КС РФ и законодателя соотносятся со складывающейся практикой решения аналогичных вопросов в условиях европейского конституционализма, в том числе на уровне органов конституционного правосудия. Об этом свидетельствует, например, опыт Федерального конституционного суда Германии. В решении от 14 октября 2004 г. по делу 2 BvR 1481/04 он указывал, что правоприменительные органы, устанавливая содержание и пределы конституционных прав, обязаны стремиться, насколько это возможно, избегать конфликта с положениями ЕСПЧ, т. е. руководствоваться содержанием аналогичных конвенционных прав в свете правовых позиций ЕСПЧ. Принцип подчинения национальных судей закону и праву (ст. 20.3 Основного закона Германии) включает обязанность «принимать во внимание

гарантии Конвенции и решения в рамках методологически оправданного толкования законов» в том числе для целей устранения выявленного ЕСПЧ нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод со стороны Германии. В решении от 4 мая 2011 г. Федеральный конституционный суд Германии прямо признал, что принятие им окончательного и общеобязательного решения по конституционной жалобе не препятствует последующему пересмотру такого решения на основании решения ЕСПЧ.

Согласно ст. 3(1) Акта Великобритании о правах человека 1998 года законы и подзаконные акты должны «в той мере, насколько это возможно» толковаться и применяться в соответствии с правами человека, закрепленными названной Конвенцией. Статья 2(1) данного Акта напрямую обязывает национальный суд, применяя конвенционные положения, «принимать во внимание» практику ЕСПЧ. Верховный Суд РФ исходит из того, что указанные положения, хотя и не устанавливают формальной обязательности решений ЕСПЧ в национальном правопорядке, тем не менее налагают на суды обязанность следовать сложившейся практике Страсбургского суда¹. В решении от 17 июня 2004 г. по делу «R. (Ullah) v Special Adjudicator» Бингхэм указал: «Национальный суд, руководствуясь обязанностью, предусмотренной статьей 2 [Акта], не должен без веских причин выхолащивать либо ослаблять эффект Страсбургской судебной практики».

Юридический статус рассматриваемой Конвенции в итальянском правопорядке определен положением ч. 1 ст. 117 Конституции Италии (с учетом внесенных в 2001 г. изменений). Согласно ей «законодательная власть принадлежит государству и областям при соблюдении Конституции и... международных обязательств». В решениях от 24 октября 2007 г. №348/2007 и №349/2007 Конституционный суд Италии разъяснил, что в силу указанного конституционного положения данная Конвенция с учетом толкования, данного ей ЕСПЧ, обладает приоритетом над положениями национальных законов и является самостоятельным мерилем их конституционности, «интегрируя» тем самым нормы конституционного и международного права². Развивая данный тезис, Конституционный суд обязал ниже-

¹ См. R. (Alconbury Developments Ltd) v. Secretary of State for the Environment, Transport and the Regions [2001] UKHL 23. Lord Slynn of Hadley. § 26 «R. v. Home Secretary ex parte Amin [2003] UKHL 51». Lord Slynn of Hadley. § 44 «Manchester City Council v. Pinnock [2011] UKSC 6». § 48.

² См. Corte Oostituzionale della Repubblica Italiana. Sentenza No. 348 (2007). § 4.3; Sentenza No. 349 (2007). § 6.2.

стоящие суды применять и толковать положения национальных законов в соответствии с правовыми позициями ЕСПЧ¹. В том случае, если, несмотря на использование всех возможных способов толкования, суд приходит к выводу о несовместимости положений закона с Конвенцией, он обязан обратиться с запросом о проверке конституционности закона в Конституционный суд. Последний обладает исключительной компетенцией либо произвести «конвенционное» истолкование оспариваемых положений закона, либо признать их нарушающими ст. 117 Конституции Италии во взаимосвязи с соответствующей статьей Конвенции².

Конвенционная юрисдикция ЕСПЧ, таким образом, является важным фактором утверждения и развития общеевропейских конституционных ценностей, их защиты национальными органами конституционного контроля. Это, однако, не исключает возможности возникновения и необходимости повышенного внимания к проблемным вопросам, определенным коллизиям и противоречиям между общеевропейскими и национальными институтами гарантирования прав и свобод человека и гражданина, между конвенционной юрисдикцией ЕСПЧ и компетенцией национальных органов конституционного контроля.

В этих подходах, отражающих как нашу национальную, так и зарубежную практику разрешения возможных коллизий и противоречий между национальной и наднациональной юрисдикциями, находит подтверждение активная роль конституционного правосудия в преодолении глобальных вызовов праву и современному правопорядку.



¹ См. Sentenza No. 348 (2007). § 4.6; Sentenza No. 349 (2007). § 6.1.2.

² См. Sentenza No. 348 (2007). § 4.3, 5; Sentenza No. 349 (2007). § 6.2; Sentenza No. 311 (2009). § 6



3. КС РФ — ИНСТРУМЕНТ ОБРЕТЕНИЯ САКРАЛЬНОГО СМЫСЛА КОНСТИТУЦИИ, УТВЕРЖДЕНИЯ «ЖИВОГО» (СУДЕБНОГО) КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РОССИИ

Двадцатипятилетняя история реализации Конституции РФ свидетельствует, что этот документ мудрее его создателей. Главный источник мудрости Конституции в том, что она является выражением воли многонационального народа России, своего рода связующим звеном в правовом развитии сменяющих друг друга поколений; в этом плане она вбирает в себя и способна транслировать воспринятые от предков национальные политико-правовые традиции, ценности, вечные идеалы. В соответствии с этим и с учетом существующих реалий социально-правовой действительности, запросов общества, Конституция РФ имеет внутренний потенциал и инструментарий к смысловому, интерпретационному преобразованию своего текста, в том числе — некоторых, содержащихся в ней искусственно привнесенных положений, равно как и содержит потенциал для преодоления неких недоговоренностей, мнимых пробелов в конституционном регулировании¹.

Пожалуй, главным источником таких качеств Конституции России являются ее философско-мировоззренческие начала.

3.1. ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ КОНСТИТУЦИИ РФ 1993 ГОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЕЧНЫХ ИДЕАЛОВ И ЮРИДИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Исследование внутренней природы Конституции РФ, оценка ее реального значения в обустройстве демократической правовой государственности новой России вполне согласуется с уяснением того обстоятельства, что историческое время, прошедшее с момента принятия и вступления в силу Конституции РФ 1993 г., неоднородно, оно весьма противоречиво. Конституцию же, ее нормативное содержание во многом наполняют смыслами реальные социальные

¹ В данном случае имеется в виду, что, по мнению автора, пробелов в Конституции России нет, и их не может быть в силу самой природы этого документа, особенностей норм Конституции с их предельно высоким уровнем абстракций в виде принципов, основ, ценностей и т. п., которые как раз и являются главными нормативно-правовыми носителями духа Конституции.

процессы и события, национальные и исторические традиции, политические установки и мировоззренческие, идеологические предпочтения в обществе и государстве, что дает повод и предпосылки для усиления одних и ослабления других начал, принципов Конституции.

Предпосылкой же такой социальной «чувствительности» Конституции 1993 года является тот факт, что она отражает в основополагающих своих характеристиках фундаментальные интересы, конституционные идеалы многонационального народа России, не находится в плену космополитических иллюзий, которые столь активно навязывались нам после распада Союза ССР. Вместе с тем — нельзя этого игнорировать — Конституция России, как и любая другая, не лишена содержательных, по крайней мере, имплицитно присутствующих, предпосылок для проявления не только конституционных надежд, но и разочарований, политических иллюзий и правового романтизма наряду с юридическим реализмом.

Но является ли это свидетельством неких недостатков самой по себе Конституции? На этот вопрос определенно следует дать отрицательный ответ. Это ее особенность, в основе которой политико-правовая философия методологического плюрализма.

Философский монизм, характерный, в частности, для советского периода отечественного конституционализма, не оставлял места даже для иллюзорных ожиданий и надежд на политическое, идеологическое разнообразие в обществе и государстве. Современное понимание явлений конституционной жизни может быть охарактеризовано с позиций мировоззренческого плюрализма. Предполагается, что различные концепции, подходы к праву в современных условиях приобретают не только доктринальное, но и нормативно-правовое значение в той мере, в какой они могут быть адекватно интегрированы в социокультурное пространство конституционно-правового регулирования. Это объективно предопределяет признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма и как доктринального метода исследования, и как конституционно значимого принципа нормативно-правовой организации и функционирования демократической государственности.

На этой основе становится возможным всесторонне оценить как собственно правовые явления, так и неюридические (в том числе предъюридические, постюридические), а также метаюридические феномены конституционализма социального, экономического, по-

литического, культурного характера. Причем в той мере, в какой они выступают и социокультурной предпосылкой формирования конституционализма, и в качестве имманентных его характеристик, институциональной основы конституционализма, и одновременно — средой его существования и развития, что решающим образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики Конституции.

Несмотря на то, что в координатах мировоззренческого плюрализма присутствуют различные концептуальные начала, его квинтэссенцией в нормативно-правовом проявлении является реализация на конституционном уровне двух типов правопонимания — позитивизма и естественного права. Сочетанием позитивистского и естественно-правового подходов обеспечивается переход к интегративному, своего рода конституционно значимому правопониманию и восприятию на правовом уровне всего многообразия конституционно значимых явлений государственно-политической, экономической, социально-культурной жизни.

В этом плане методологический плюрализм Конституции РФ 1993 года не есть свидетельство некой мировоззренческой эклектики, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским как бы по аналогии с конкуренцией буквы и духа Конституции. Такой подход имеет в своей основе противопоставление естественно-правовых и позитивистских начал, исключает возможность их сосуществования (при признании за ними самостоятельной и соотносимой юридической ценности) без ущерба для права как воплощения свободы, равенства и справедливости.

Вместе с тем нельзя не признать, что во многом именно естественно-правовые начала Конституции РФ 1993 г. стали своего рода философско-правовой основой правового романтизма, а в каких-то ситуациях — и политических иллюзий в нашем обществе, в частности, на начальных этапах реализации Конституции, в условиях не всегда выверенных преобразований. В концентрированном виде это получило нормативное закрепление в положениях, где Конституция РФ, реализуя идеи естественно-правового правопонимания, провозглашает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (часть 2 ст. 17), а человек, его права и свободы признаны высшей ценностью (ст. 2) безотносительно к национальным традициям коллективизма и со-

борности. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что из самой Конституции РФ вытекает недопустимость противопоставления естественно-правовых начал позитивному законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина: полномочия по государственно-правовой регламентации прав человека прямо закрепляются за федеральным законодателем (п. «в» ст. 71), а в ст. 18 Конституции РФ прямо закрепляется, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, т. е. содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных (принимаемых государством) законах, получать реализацию в правоприменительной практике. Нормативное, позитивно-правовое опосредование прав человека связано также с обеспечением и гарантированием других конституционных ценностей, чем и обусловлена в конечном счете практика соразмерных конституционных ограничений и регулирующих требований пользования основными правами и свободами. КС РФ исходит из того, что права человека, провозглашенные Конституцией РФ в качестве высшей ценности, должны рассматриваться в системе конституционного регулирования, что предполагает, во-первых, объективные пределы соответствующих прав, и, во-вторых, их связанность основами конституционного строя и публичного правопорядка. Соответствующий вывод был сделан КС РФ, в частности, в отношении экономической свободы и вытекающей из нее свободы договора (например, постановления КС РФ от 23 января 2007 г. №1-П, от 16 июля 2018 г. №32-П). В другом своем решении, касающемся избирательных прав граждан, КС РФ прямо указал, что закрепляя эти права, Конституция РФ исходит из основ конституционного строя (Постановление КС РФ от 29 ноября 2004 г. №17-П).

В этом плане в более внимательном отношении — как источника возможных проявлений политических иллюзий — нуждаются положения Конституции, породившие надежды на прекращение политического противостояния, идеологической борьбы, в частности, в условиях ориентации новой России 1990-х годов на так называемые общецивилизационные ценности. В конституционно-текстовом варианте речь идет о положениях части 2 ст. 13 Конституции РФ, закрепившей, что никакая идеология не может устанавливаться в Российской Федерации в качестве обязательной. Очевидно, однако, что сама по себе Конституция как основной закон в силу своей природы и назначения является своего рода нормативно-правовым резервуа-

ром, хранителем наиболее значимых для личности, общества и государства идей, социальных установок и представлений о социально-экономической, политической, национальной, транснациональной культурно-правовой действительности и ее ценностях. Поэтому «деидеологизированная конституция» — во многом политико-правовой оксюморон, как, например, «сухая вода» или «горячий снег». Одним словом, в определенной степени нельзя не согласиться с тем, что «Конституция РФ и идеология государства и права в России — одно и то же»¹.

В то же время крайне важно, в том числе в свете критических оценок некоторых ученых и политиков формулы ч. 2 ст. 13 Конституции, правильное понимание данного положения на базе телеологического, систематического, исторического его толкования.

Соответствующее нормативное требование имеет, конечно, — нельзя этого не признать — определенную ориентацию на перспективу; оно призвано, в частности, гарантировать недопустимость установления какой-либо иной идеологии, кроме тех принципов, ценностей, идей, которые получили признание в принятой многонациональным народом Российской Федерации на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. Конституции РФ (преамбула). И это вполне понятно: без принятия большинством народа соответствующих идей и ценностей, которые лежат в основе конституционной идеологии, невозможны были бы как сама разработка Конституции РФ, так и тем более ее принятие и реализация как акта прямого действия.

Вместе с тем, как представляется, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что принятая после кровавых событий октября 1993 г. действующая Конституция впитала в себя, в определенной степени, либеральные идеи, проявившиеся на российской почве того периода в весьма специфичной форме: не как политико-правовая основа позитивного конституционного развития общества и государства, а во многом как идеология неприятия, отрицания и, что скрывать, ненависти к прежней системе конституционной организации власти, ко всему тому, что было связано с советским прошлым. В этом плане в Конституции 1993 г., в частности в ст. 13 (ч. 2), имеются вкрапления не последовательной правовой философии либерализма, а это

¹ См.: Александров А. Конституция РФ и идеология государства и права в России — одно и то же // Судья. 2013. Декабрь. С. 30.

в большей степени политико-правовая, мировоззренческая основа социального страха ее авторов и новой политической элиты вместе с «назначенными» экономическими олигархами — страха возврата к однопартийной системе, к коммунистической идеологии, к приоритету публичных (государственных) интересов над интересами личности. В своей основе, это, конечно, либеральная идеология, если даже она в большей степени ориентирована не на утверждение, а на отрицание. Впрочем, этот подход тоже вполне укладывается в координаты либерального конституционализма, если иметь в виду, что сама Конституция рассматривается в этом случае, прежде всего, как ограничитель власти и, что было особенно важно для России, гарант недопустимости возврата к прошлому (хотя обеспечивалось это, как свидетельствовала последующая история России 1990-х годов не всегда чисто правовыми, либерально-демократическими методами). С этим как раз и связано то обстоятельство, что продолжением, в своей основе, либеральных подходов Конституции, в частности к государственной идеологии, явилось мировоззрение антикоммунистических страхов. Как справедливо отмечали исследователи природы конституции как уникального политико-правового явления не только в прошлом, но и уже в XIX веке, в историческом плане во многом именно страх породил конституцию; конституции рождаются в страхе перед былым деспотизмом, но после этого живут самостоятельной жизнью¹.

Очевидно, что сегодня формула части 2 ст. 13 Конституции приобретает новое социально-политическое наполнение и, соответственно, это предполагает возможность (и необходимость!) ее нового истолкования. Если же учесть, что такое обращение — по поводу истолкования соответствующего конституционного положения — может поступить и в КС РФ, для меня как судьи КС РФ это является юридическим основанием, для того чтобы воздержаться от изложения своей позиции по этому вопросу.

Важно вместе с тем учитывать, что в современных условиях политического, идеологического, правового противостояния социокультурных систем объективно актуализируется проблема выработки новых философско-мировоззренческих основ современного

¹ См. об этом: Шустров Дм. *Essentia constitutionis: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. №4 (119). С. 134–136; Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 1999. С. 12–25.*

конституционализма. Только на этой основе становится возможным выявление глубинных внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного конституционализма, в том числе — сквозь призму соотношения буквы и духа национальной Конституции, что позволяет, в свою очередь, обеспечивать социокультурное преобразование, развитие самой Конституции. Это достигается посредством предусмотренного самой Конституцией (ст. 125) института конституционного правосудия. Особое значение это имеет применительно к России, где демократия всегда была, по словам Н. Бердяева, «одухотворена»¹.

На основе методологического политико-правового плюрализма становится возможным наиболее полное выявление духа Конституции, а также не только охранительное, но и преобразовательное воздействие КС РФ на всю систему конституционализма, нормативно-правовое и доктринальное его «оживление».

Одновременно в этом заключается ответ на ранее поставленный вопрос: обладает ли наша Конституция «гениальностью» проявлять свое значение как отвечающий сегодняшним потребностям реально действующий правовой акт высшей юридической силы, реализация которого основана на уяснении и ориентации не только на его текст, букву, но и дух этого уникального документа.

3.2. О ДУХЕ КОНСТИТУЦИИ, ЕГО «ПРОЧТЕНИИ» И ЮРИДИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

При всей сакральной загадочности самого понятия «дух Конституции» важно учитывать, что оно имеет свои, достаточно устойчивые, хотя и весьма специфические, юридико-технические средства выражения (если, конечно, не связывать это понятие с политической конъюнктурой).

Идея духа Конституции основана на интегральном единстве естественных и позитивистских начал, что находит свое выражение и в самой конструкции Основного закона как акта, служащего формализованным выражением своего рода генетического (социокультурного) кода многонационального народа России.

Юридической формой данного кода являются весьма специфические, поистине сакральные по своим нормативным характеристикам категории конституционного права, составляющие иерархическую

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

нормативно-категориальную систему. Это, *во-первых*, конституционные ценности, представляющие наиболее высокий уровень, концентрированную форму воплощения духа Конституции; *во-вторых*, конституционные принципы; *в-третьих*, конституционные основы (начала), *в-четвертых*, конституционные аксиомы и презумпции (с учетом национальных особенностей конституций этот категориальный ряд можно было бы продолжить).

Названные категории при всех очевидных их различиях и весьма существенной специфике каждой могут быть объединены, выстроены в один категориальный ряд (применительно к отражению в них духа Конституции) благодаря неким общим характеристикам, в основе которых — высокий удельный вес нравственных, гуманистических начал. Это получает признание на нормативно-правовом, конституционном уровне и подтверждается правоприменительной практикой, в особенности КС РФ. Соответствующие категории выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, сколько категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований. Тем самым по своей внутренней природе они также могут быть представлены как категориальная форма выражения, квинтэссенция духа Конституции, а их юридические характеристики определяются тем, что это не только доктринальные, но и нормативно определенные категории действующего конституционного права. Обладая предельно высоким уровнем нормативного обобщения, они позволяют обнаружить («снять») в сфере правового регулирования некий идеализированный слепок (модель) конституционных перспектив общественного и государственного развития. Как метаюридическая форма выражения нравственных, социокультурных начал соответствующие категории, имея наиболее абстрактное содержание, наполнены вместе с тем повышенным уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения.

Что касается конституционно-текстовой материализации данных категорий, то здесь особое значение имеют преамбула Конституции РФ, а также ее гл. 1 и 2 Основного закона. Соответствующие структурные части Конституции — это своего рода нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого можно проникать в глубинное содержание всех других ее статей,

обнаруживать их сакральные свойства. На особый, метаюридический характер соответствующих положений указывает, в частности, и то обстоятельство, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя (ч. 2 ст. 16), а положения гл. 1 и 2 не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ч. 1 ст. 135), а значит, их изменение возможно только путем принятия новой Конституции. И это не случайно: законодателю подвластен текст, буква Конституции, но не ее дух. В таком соединении буквы и духа Конституции 1993 года, кроме того, кроется залог сочетания в ней стабильности и динамизма как живого организма, что способно оказывать прямое влияние и на эффективность ее реализации.

Наиболее ярким воплощением метаюридических начал как выражения духа Конституции является категория *конституционных ценностей*. Во многом именно аксиологическими свойствами определяется уникальность Конституции с точки зрения ее юридических, политико-идеологических, философско-мировоззренческих и иных характеристик.

Весьма активным посредником между буквой и духом Конституции выступает политика, стремящаяся наполнить конституционно оформленные юридические нормативы политической целесообразностью. Поэтому вполне естественным является вопрос о том, возможна ли подлинная гармония между нравственно-этическими и юридическими началами, основанная на бережном отношении, сохранении текста конституционного закона, на его одухотворении, а не на политическом прочтении, искажении в конъюнктурных политических целях.

Речь идет о согласовании буквы и духа Конституции в целях эффективного конституционного воздействия на реально складывающуюся общественную практику. Поэтому проблема в том, какие цели преследуются при выявлении духа и преобразовании (развитии) Конституции: используется это в правовых или же в политических целях, в обход буквы Конституции? Это актуально, в том числе и для органов конституционного правосудия, ведь нельзя отрицать политическое значение, по крайней мере, их отдельных решений.

Но всегда ли это является свидетельством «политизации» деятельности судебного органа или за этим скрываются другие, более глубинные причины? При поиске ответа на эти вопросы следует учитывать, с одной стороны, возможность произвольного, не осно-

ванного на Конституции и законе вторжения политики в сферу конституционного правосудия и, с другой, законодательно очерченные компетенционные возможности решения политически значимых вопросов с помощью института конституционного правосудия. Это вытекает из самой природы отношений, составляющих предмет конституционно-правового регулирования и, соответственно, определяющих сферу осуществления конституционного правосудия. Конституционно-судебный нормоконтроль является в этом плане одной из форм государственно-властного (конституционного) воздействия на те общественные отношения, которые прямо соотносятся с наиболее важными вопросами политической жизни общества и государства.

Уже поэтому конституционный анализ соотношения конституционного правосудия и политики не исчерпывается формально-юридическими аспектами; выход на социально-политические, социокультурные, конкретно-исторические, национально-специфические, иные аспекты действия Конституции и функционирования органов конституционного правосудия неизбежен и абсолютно необходим. При этом сама практика конституционного нормоконтроля (которая хронологически соответствует в нашей стране в своей основе возрасту Конституции) позволяет сформулировать своего рода конституционно-правовую максиму: *дух Конституции должен служить не политизации конституционных институтов, а конституционализации политики*. Формально-юридические начала этой максимы, отражающие одновременно и нормативно-правовые аспекты соотношения конституционного правосудия и политики, очевидны: конституционное правосудие находится вне политики.

Сакральные же, метаюридические пласты духа Конституции, содержащие высокий уровень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных начал, становятся доступными для Конституционного Суда в силу его особой природы.

3.3. КС РФ — ГЕНЕРАТОР «ЖИВОГО (СУДЕБНОГО) КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Место и роль КС РФ в национальной государственно-правовой системе, характеристики юридической природы его решений предопределяют различные направления воздействия данного органа на обеспечение верховенства Конституции. Одновременно реа-

лизованная в России модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния КС РФ не только на систему действующего законодательства, но и на саму Конституцию, на развитие всей системы российского конституционализма.

При этом конституционное правосудие — в отличие от других форм судопроизводства — объективно нуждается в осуществлении своих функций в тесном единстве нормативно-правовых (позитивистских) оценок и широких социокультурных подходов: ведь глубинное содержание не только проверяемых норм текущего законодательства, но, прежде всего, норм самой Конституции невозможно уяснить без учета конкретно-исторических условий их возникновения, принятия (историческое толкование), особенностей их действия во всей системе как юридического, так и иных форм нормативного (нравственно-этического, конфессионально-религиозного и т. п.) действия в национально-специфических условиях нашего общества и государства (систематическое толкование) и т. д.

В этом плане естественной является проявившаяся тенденция к перераспределению основных функций конституционного правосудия — от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности. Речь идет о том, что, *во-первых*, будучи, безусловно, органом судебной власти, природа деятельности КС РФ не исчерпывается правоприменением, в своих итоговых характеристиках он сближается с нормативно-установительной практикой, с правотворчеством, становится квазиправотворческим органом. *Во-вторых*, специфика «квазиправотворческой», интерпретационной деятельности КС РФ такова, что его решения имеют предметом своего влияния, прежде всего, нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т. п. В результате происходит приращение и актуализация нормативного содержания отправных для правовой системы величин, обеспечивается развитие глубинного, скрытого от внешнего восприятия (сакрального) духа Конституции и, как результат — происходит преобразование всей системы национального конституционализма.

На этой основе становится возможным формирование нового, во многом уникального политико-правового явления конституци-

онной государственности — «живого» (судебного) конституционализма¹. Исходные начала концепции «живого» (судебного) конституционализма проистекают из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти (в особенности, конституционного правосудия), с другой. Говоря о роли конституционного правосудия в формировании «живого» конституционализма, важно учитывать, по крайней мере, несколько моментов.

Во-первых, решения КС РФ, обладая специфической природой (как особые виды судебных актов нормоустановительного характера), являются нормативной правовой основой формирования всей системы российского конституционализма. Во-вторых, конституционное правосудие и его решения — один из важных источников развития современной конституционной доктрины устойчивого развития российской государственности, что вытекает из нормативно-доктринальных характеристик решений КС РФ. В-третьих, КС РФ — своего рода, генератор конституционного мировоззрения, активный участник формирования новой конституционной культуры и в конечном счете конституционной идеологии современного российского общества и государства. В-четвертых, «живой» конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь требований верховенства Конституции, ее прямого действия.

Тем самым становится возможным рассматривать КС РФ в качестве важного инструмента социоисторического обновления, преобразования российской государственности в сочетании с гарантированием стабильности коренных идеалов, ценностей, принципов, определяющих устойчивость такого развития, института формирования в России «живого» конституционализма. С этих позиций «живой» (судебный) конституционализм может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного судебно-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

¹ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика / 2-е изд. М.: Норма, 2016.

Судебный конституционализм способствует утверждению и поддержанию конституционного правопорядка как высшего юридического выражения правовой социальной демократической государственности, что обеспечивается путем придания ей качеств фактической (практико-прикладной) ценности, проникающей как в публично-властную деятельность, так и в процессы реализации прав и свобод человека и гражданина, во всю систему конституционного правопользования на всех уровнях публично-властной деятельности.

Исходя из этого для понимания судебного конституционализма и, соответственно, роли конституционного правосудия в его становлении и развитии важно учитывать, что творчески-преобразовательная функция конституционного правосудия обеспечивается с помощью различных способов судебного нормоконтроля в рамках определенных Конституцией РФ полномочий КС РФ.

Это, *во-первых*, толкование *норм Конституции РФ*, что одновременно представляет собой важную форму преобразования Конституции без изменения ее текста. С помощью официального толкования Конституции обеспечивается как государственно-правовая (конституционная) оценка соответствующих сфер социальной действительности, так и развитие содержания самих конституционных норм без изменения текста конституционных статей. Речь идет о постепенном преобразовании Конституции под влиянием общественного развития. Фактическая конституция как выражение соотношения основных социальных сил с точки зрения реальных (а не формально-юридических) характеристик суверенитета, власти, собственности, свободы в обществе развивается без изменения текста юридической конституции; Конституционный же Суд, толкуя нормы Конституции при разрешении конкретных споров (казуальное толкование) или давая официальное толкование, учитывает социально-экономические, политические изменения и, соответственно, выявляет новые, изменившиеся социологические начала корреспондирующих им юридических положений Конституции, обеспечивая тем самым их реальное верховенство.

Толкуя Конституцию, Суд осуществляет по сути нормативно-доктринальную, квазиправотворческую функцию, когда принимаемые им решения о толковании конституционных норм становятся частью Конституции, сопоставимы с ней по юридической силе. По состоянию на сегодняшний день КС РФ принято 13 постанов-

лений и более 40 определений по вопросам толкования Основного Закона. Последнее такое решение принято Конституционным Судом 1 июля 2015 г. применительно к толкованию ряда положений Конституции в связи с возникшей неопределенностью, касающейся того, допустим ли перенос в конституционно значимых целях даты очередных выборов депутатов Государственной Думы, сопряженный с незначительным (в месячном выражении) уменьшением пятилетнего срока полномочий, на который согласно Конституции избиралась Государственная Дума текущего созыва¹. По итогам рассмотрения дела КС РФ установил, что Конституция не исключает возможности однократного изменения федеральным законом даты очередных выборов, ведущего к сокращению реального (фактического) срока полномочий Государственной Думы текущего созыва, при условии, что такое сокращение осуществляется в конституционно значимых целях, заблаговременно, не влечет за собой отступления от разумной периодичности проведения очередных выборов Государственной Думы и непрерывности ее деятельности и является минимально незначительным. Кроме того, Конституционный Суд особым образом подчеркнул, что сокращение фактического срока полномочий Государственной Думы текущего созыва не должно использоваться — вопреки принципам политического многообразия и многопартийности, равенства и свободы деятельности общественных объединений — для произвольного ограничения политической конкуренции на выборах, в том числе посредством создания электоральных преимуществ для одних политических партий, включая парламентские, в ущерб интересам других политических партий. Важность данного официального толкования конкретной нормы Конституции РФ имеет, в том числе, методологическое значение и для других уровней конституционной системы организации представительных органов государственной и муниципальной власти, имея в виду, что как на региональном, так и муниципальном уровнях возможно возникновение таких вопросов.

Следующим, *вторым способом судебного нормоконтроля*, в рамках которого реализуется формирование и развитие «живого» (судебного) конституционализма, *является разрешение конституционно-правовых споров о конституционности оспариваемых законоположений*. Закономерным результатом такой

¹ См.: Постановление КС РФ от 1 июля 2015 г. №18-П по делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции РФ // СЗ РФ. 2015. №28. Ст. 4335.

конституционно-судебной деятельности является уяснение и истолкование прямых и обратных связей между положениями Конституции и текущим законодательством, их синхронизация в соответствии с требованиями иерархичности правовой системы, с одной стороны, и обогащение, наращивание нормативного потенциала конституционных принципов и норм — с другой. В этом плане разрешение в рамках высшего судебного нормоконтроля конституционности указанных в ч. 2 ст. 125 Конституции РФ нормативных правовых актов имеет прямой выход также на развитие конституционных институтов российской государственности: устранение дефектных с конституционной точки зрения норм из правовой системы («негативный законодатель») либо подтверждение конституционной обоснованности и допустимости соответствующих законодательных решений в конкретной области.

Так, например, в Постановлении от 14 июля 2015 г. №20-П¹ КС РФ сформулировал значимую интерпретацию ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, предусматривающей, что, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Суд пришел к заключению, что соответствующее правило имеет межотраслевое юридическое значение и означает, в частности, что отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой ее уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния; иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публично-правовой ответственности за такое деяние. В связи с этим были признаны не соответствующими Конституции отдельные положения КоАП Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, если отмена законом административной ответственности за административное правонарушение одновременно сопровождается введением уголовной ответственности за то же деяние.

В-третьих, преобразовательная функция КС РФ может обеспечиваться и в процессе разрешения компетенционных споров между:

¹ См.: Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. №20-П // СЗ РФ. 2015. №30. Ст. 4657.

а) федеральными органами государственной власти; б) федеральными и региональными органами государственной власти; в) высшими органами государственной власти субъектов РФ (ч. 3 ст. 125 Конституции РФ).

Что касается *способов конституционно-судебного преобразования конституционного регулирования и конституционных отношений*, то здесь важное значение — и доктринальное, и практико-прикладное — имеет как *прямое признание проверяемой нормы неконституционной (конституционной), так и конституционное истолкование правовых норм отраслевого законодательства*. Деятельность КС РФ, связанная с осуществлением конституционного истолкования законодательных положений, является специфической формой квазиправотворческой деятельности — и не только как «негативного законодателя».

Ярким примером позитивно-интерпретационного воздействия конституционного правосудия на отраслевое законодательство является Постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. №2-П¹, предметом рассмотрения в рамках которого стали нормы ФЗ «О прокуратуре», служившие основанием для проведения прокурором проверочных мероприятий в отношении деятельности некоммерческих организаций. Конституционным Судом в названном Постановлении сформулирован — на основе идеи баланса между ценностями эффективного обеспечения законности в деятельности некоммерческих организаций и одновременно недопустимости произвольного вмешательства в их дела — набор взаимосвязанных требований и условий, соблюдение которых выступает необходимой предпосылкой конституционной обоснованности соответствующих проверочных мероприятий. В частности, Суд установил, что оспоренные нормы лишь в той мере не противоречат Конституции, в какой:

а) предполагают проведение органами прокуратуры проверок исполнения законов некоммерческими организациями в пределах определенного предмета конкретной проверки, обусловленного наличием сведений, указывающих на признаки нарушений законов в деятельности некоммерческой организации и ее должностных лиц, которые нельзя подтвердить или опровергнуть в ходе межведомственного взаимодействия с государственным органом, осуществ-

¹ См.: Постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. №2-П/СЗ РФ. 2015. №9. Ст. 1389.

вляющим федеральный государственный надзор за деятельностью некоммерческих организаций, с вынесением о том мотивированного решения, подлежащего доведению до сведения проверяемой некоммерческой организации, по крайней мере, в момент начала проверки;

б) предполагают возможность запроса прокурором у руководителей и должностных лиц некоммерческой организации документов и материалов, непосредственно обусловленных целями и предметом конкретной проверки, не могущих быть полученными у других государственных органов или из открытых источников и не передававшихся органам прокуратуры в связи с ранее проведенной проверкой исполнения законов данной некоммерческой организацией, и не обязывают некоммерческую организацию представлять документы, которые она не обязана иметь в соответствии с законодательством, а также формировать документы, не имеющиеся на момент предъявления требования прокурора;

в) не допускают проведение органами прокуратуры в отношении некоммерческой организации повторной проверки, осуществляемой в связи с фактами, указывающими на предполагаемые нарушения законов, которым по итогам ранее проведенной проверки уже была дана или должна была быть дана правовая квалификация, за исключением проверки устранения нарушений законов, проводимой в разумный после их выявления срок;

г) предполагают возможность привлечения к участию в проведении проверки исполнения законов некоммерческой организацией представителей (сотрудников) других государственных органов лишь в целях осуществления ими вспомогательных (экспертно-аналитических) функций, что исключает самостоятельное проведение проверочных действий от имени и в рамках компетенции соответствующих государственных органов и не допускает иных отступлений от установленных действующим законодательством порядка и периодичности проводимых уполномоченными органами государственного контроля (надзора) плановых мероприятий;

д) обязывают органы прокуратуры к утверждению по итогам проверки исполнения законов некоммерческой организацией акта, содержащего констатацию наличия или отсутствия в ее деятельности нарушений законов, в связи с возможностью которых осуществлялась прокурорская проверка, и доведению такого акта до сведения проверяемой некоммерческой организации;

е) предполагают судебную проверку по заявлению некоммерческой организации законности проведения в отношении нее мероприятий прокурорского надзора, принимаемых в ходе этих мероприятий решений, а также связанных с ними действий (бездействия) прокурора, притом что бремя доказывания правомерности проведения проверки и предъявленных требований лежит на прокуроре.

Важное значение в формировании и развитии «живого» (судебного) конституционализма имеют также *вырабатываемые КС РФ на основе разрешенных конкретных дел рекомендации законодателя по совершенствованию правового регулирования*. Это вытекает из самой природы, особенностей юридической силы таких рекомендаций. При этом КС РФ чаще всего использует достаточно мягкую форму взаимодействия с законодателем, в рамках которой подчеркивается широкая свобода его усмотрения. В частности, в Постановлении, касающемся исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека¹, КС РФ отметил, что не исключается правомочие федерального законодателя — исходя из требований Конституции и с учетом правовых позиций Конституционного Суда — предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

Выработанные КС РФ на основе разрешенных конкретных дел рекомендации законодателю, не имея непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в текущем законодательстве. Следовательно, непринятие во внимание, а тем более игнорирование законодателем соответствующих рекомендаций может привести к противоречивости и рассогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией РФ и тем самым создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов и ценностей.

¹ См.: Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. №21-П // СЗ РФ. 2015. №30. Ст. 4658.

В этом плане рекомендации законодателю представляют собой одну из относительно самостоятельных разновидностей правовых позиций Конституционного Суда, в которых конституционно-доктринальные начала превалируют над нормативными. Степень обязательности таких рекомендаций, обращенных к законодателю, определяется прежде всего тем, насколько они концептуально выверены с точки зрения доктринальных подходов к обоснованию предлагаемых изменений в действующем законодательстве, которое явилось предметом конституционного контроля.

Таким образом, принимаемые в рамках названных способов конституционно-судебного воздействия на конституционные отношения решения КС РФ и сформулированные в них правовые позиции, обладая качествами нормативности и будучи направленными на конкретизацию сконцентрированного в конституционных нормах и институтах содержания, с одной стороны, и на выявление конституционно-правового смысла норм текущего законодательства, на раскрытие воплощенных в соответствующих нормативных положениях конституционных ценностей и целей развития российской государственности — с другой, закономерно выступают в качестве императивных ориентиров реализации конституционной программы преобразования в правотворческой и правоприменительной сферах.

В результате Конституционным Судом РФ как органом конституционного правосудия обеспечивается последовательная гармонизация буквы и духа Конституции, приведение ее формально-юридического нормативного содержания независимо от времени и политических условий ее принятия в соответствие с реальными отношениями политического властвования, социальной и экономической организацией общества и государства. Тем самым охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом конституционной системы.

На основе анализа решений КС РФ можно вывести различные направления утверждения посредством «живого», судебного конституционализма социокультурной идентичности России. Речь идет, например, об установлении *пределов универсальности ценностей современного конституционализма для защиты национальных конституционных интересов и ценностей.*

Так, в ряде решений КС РФ определил пределы политического плюрализма, в частности, с точки зрения ограничений на создание

региональных и религиозных партий. В Постановлении от 15 декабря 2004 г. №18-П КС РФ пришел к выводу, что в отличие от зарубежных стран, в многонациональной и многоконфессиональной России — вследствие особенностей функционирования ведущих вероучений (с одной стороны, православия как господствующего направления христианства, а с другой — мусульманства), их влияния на социальную жизнь, в том числе использования в политической идеологии, исторически в значительной степени тесно связанного с национально-этническим фактором, — такие понятия, как «христианский», «православный», «мусульманский», «русский», «татарский» и т.п. ассоциируются в общественном сознании скорее с конкретными конфессиями и отдельными нациями, чем с общей системой ценностей российского народа в целом. КС РФ подчеркнул, что на современном этапе российское общество, в том числе политические партии и религиозные объединения, еще не приобрели прочный опыт демократического существования. В этих условиях партии, созданные по национальному или религиозному признаку, неизбежно ориентировались бы на преимущественное отстаивание прав соответствующих национальных (этнических) или религиозных групп. Конкуренция партий, образованных по национальному или религиозному признаку, которая особенно остро проявляется в предвыборной борьбе за голоса избирателей, способна привести вместо консолидации общества к раслоению многонационального народа России, противопоставлению этнических и религиозных ценностей, возвеличиванию одних и принижению других и в конечном счете — к приданию доминирующего значения не общенациональным ценностям, а какой-либо этнической идеологии или религии, что противоречило бы Конституции, ее статьям 13 и 14. Соответственно, КС РФ резюмировал, что создание партий по религиозному признаку открыло бы путь к политизации религии и религиозных объединений, политическому фундаментализму и клерикализации партий, что в свою очередь повлекло бы отторжение религии как формы социальной идентичности и вытеснение ее из системы факторов, консолидирующих общество. Создание же партий по национальному признаку могло бы привести к преобладанию в выборных органах власти представителей партий, отражающих интересы больших этнических групп в ущерб интересам малых этнических групп, и тем самым — к нарушению установленного Конституцией РФ принципа правового равенства независи-

мо от национальной принадлежности (ст. 6, ч. 2; ст. 13, ч. 4; ст. 19, ч. 2). Таким образом, конституционный принцип демократического и светского государства применительно к конкретно-историческим реалиям, сложившимся в Российской Федерации как многонациональной и многоконфессиональной стране, не допускает, по мнению КС РФ, создание политических партий по признакам национальной или религиозной принадлежности.

В ряде других решений КС РФ сформулировал ориентированный на традиционные представления российского общества подход к пониманию конституционных ценностей семьи, материнства и детства. КС РФ установил, что эти ценности в их традиционном, воспринятом от предков понимании гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России (постановления КС РФ от 31 января 2014 г. №1-П, от 20 июня 2018 г. №25-П). В связи с этим КС РФ констатировал, что:

а) конституционно оправданным является запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. №24-П);

б) федеральный законодатель был вправе определить брак как союз между мужчиной и женщиной, исключив тем самым возможность признания в качестве брака однополых союзов (определение КС РФ от 16 ноября 2006 г. №496-О);

в) федеральный законодатель правомочен регулировать брачно-семейные отношения путем исключения признания в качестве брака полигамных союзов (определение КС РФ от 18 декабря 2007 г. №851-О-О).

В этом же ряду — что тоже является важным направлением формирования «живого» (судебного) конституционализма — *конституционное преобразование отношений собственности: уточнение соотношения частных и публичных начал.*

В рамках комплексного, многоотраслевого регулирования отношений собственности именно конституционный уровень призван отразить наиболее важные, сущностные характеристики признаваемых государством и пользующихся равными способами правовой защиты форм собственности. При этом известная текстовая лаконичность в регулировании Конституцией РФ 1993 года отношений собственности не является случайной. В основе такого подхода лежит реакция на господствовавшие ранее политико-идеологические

приоритеты в конституционно-правовом регулировании отношений собственности. В частности, анализ отношений собственности в тесном единстве с политическими формами властвования (а это наша давняя традиция), акцентирование внимания на природе этих отношений как «своего рода власти» объективно таит в себе опасность политической идеологизации проблем собственности. Здесь возможны две крайности. Первая связана с абсолютизацией публичных начал в отношениях собственности; вторая крайность в развитии отношений собственности и экономических форм демократии, как свидетельствует исторический опыт, в какой-то мере естественна для переходного периода, связанного с поиском наиболее эффективных путей разгосударствления собственности и утверждения частной собственности как условия формирования рыночной экономики. В концептуальном плане это всегда связано, прежде всего, с пересмотром соотношения индивидуально-частных и публичных (в том числе государственных) начал в отношениях собственности, преодолением перекоса в пользу публичных начал.

Вместе с тем возрождение частных форм реализации отношений собственности должно иметь пределы, не причинять вреда публичным интересам, что имело место как тенденция начального этапа экономических преобразований, основанная на романтических представлениях известных реформаторов первой волны о реализации на российской почве идеи «чистого», «классического» рынка. В этом проявилась явная недооценка не только цивилизационных экономических законов, но и исторических корней национальной логики развития отношений собственности в России, что потребовало активного вторжения с помощью нормоконтрольного конституционно-судебного инструментария в соответствующую сферу отношений¹.

Так, согласно правовой позиции КС РФ, обеспечение прав частной собственности не должно вести к отказу от публичных начал в развитии отношений собственности (Постановления КС РФ от 20 декабря 2010 года №22-П, от 30 марта 2012 года №9-П). КС РФ не склонен рассматривать частную собственность как «священную и неприкосновенную»: Конституция РФ, согласно его подходам,

¹ Во многом результатом активной нормоконтрольной деятельности КС РФ в данной сфере стало формирование экономического конституционализма. См. об этом: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017.

не исключает ограничение права частной собственности (статья 55, часть 3) и лишение этого права (статья 35, часть 3), однако возможность перераспределения собственности уравнивается конституционно-правовым принципом неприкосновенности частной собственности (Постановление КС РФ от 24 февраля 2004 года №3-П). При этом собственность предполагает и необходимость несения обременений. В силу вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ принципов равенства и справедливости, на основе которых осуществляется регулирование и государственная, в том числе судебная, защита прав и законных интересов (частных и публичных) участников рыночного взаимодействия, праву каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности корреспондирует, в силу правовой позиции КС РФ, обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает такая деятельность (постановления КС РФ от 18 июля 2008 года №10-П, от 24 июня 2009 года №11-П, от 13 февраля 2018 года №8-П).

Речь идет, таким образом, о поиске разумной меры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, мере «распыления» экономической власти на основе активно развивающихся отчужденных ее форм в виде частного капитала, в том числе, к сожалению, и криминального, социальной ответственности частной собственности и предпринимательства, социальной ориентации рыночной экономики в целом и т. п.

Что касается политической сферы, то здесь социокультурное развитие Конституции проходило, наряду с обозначенными ранее направлениями, также по пути *обеспечения сбалансированности конституционной системы публичной власти*, что, безусловно, является важным направлением развития «живого» (судебного) конституционализма..

Основой методологического подхода КС РФ к разрешению соответствующих вопросов явился принцип баланса централизации и децентрализации, требующий установления для каждой сферы подлежащих государственному регулированию общественных отношений разумной меры публично-властного воздействия и саморегулирования.

Данный принцип, непосредственно не закрепленный в Конституции РФ, имеет объективные конституционные предпосылки,

а на формально-юридическом уровне его источником являются более общие юридические постулаты, связанные с признанием в качестве основополагающих принципов разделение властей, федерализм, местное самоуправление, с одной стороны, а также свободу и автономию индивида, частную инициативу, неприкосновенность собственности и т. д. — с другой.

В связи с этим КС РФ, анализируя содержание конституционно-го принципа разделения властей, неоднократно указывал на то, что вытекающие из него требования распределения публично-властных полномочий по законотворчеству, исполнению законов и осуществлению правосудия, их организационного и персонального обособления, и недопустимость концентрации власти у одного из соответствующих органов должны быть соотнесены с требованиями взаимного уравнивания ветвей единой государственной власти, невозможности ни для одной из них подчинить себе другие¹. КС РФ также неоднократно обращался к различным аспектам реализации институтов парламентского контроля². При этом в ряде своих решений КС РФ сформулировал значимые правовые позиции, касающиеся непосредственно контроля со стороны парламента за деятельностью исполнительной власти. Например, в ряде Постановлений³ в свое время сформулировал подходы, что сама по себе обязанность исполнительной власти отчитываться в установленном порядке по определенным вопросам перед представительной (законодательной) властью вытекает из природы исполнительной власти как власти, исполняющей закон, но при этом недопустимо неограниченное расширение полномочий парламента, в том числе в определении форм контроля, поскольку оно приводило бы к утрате самостоятельности исполнительного органа власти, что несовместимо с принципом разделения властей. В соответствии с этим подходом, определяющим пределы парламентского контроля, КС РФ в одном из решений⁴ признал, что обязанность главы администрации еже-

¹ См., например: Постановления КС РФ от 18 января 1996 г. №2-П // СЗ РФ. 1996. №4. Ст. 409; от 29 мая 1998 г. №16-П // СЗ РФ. 1998. №23. Ст. 2626; от 11 декабря 1998 г. №28-П // СЗ РФ. 1998. №52. Ст. 6447.

² Постановления КС РФ: от 1 декабря 1997 г. №18-П // СЗ РФ. 1997. №50. Ст. 5711; от 1 февраля 1996 г. №3-П // СЗ РФ. 1996. №7. Ст. 700; от 10 декабря 1997 г. №19-П // СЗ РФ. 1997. №51. Ст. 5877; от 18 января 1996 г. №2-П // СЗ РФ. 1996. №4. Ст. 409; от 23 апреля 2004 г. №9-П // СЗ РФ. 2004. №19 (Ч. 2). Ст. 1923.

³ СЗ РФ. 1996. №7. Ст. 700; СЗ РФ. 1997. №51. Ст. 5877.

⁴ Постановление КС РФ от 18 января 1996 г. №2-П // СЗ РФ. 1996. №4. Ст. 409.

годно представлять Законодательному Собранию доклад о своей деятельности и деятельности исполнительной государственной власти края не соответствует принципу разделения властей в той мере, в какой этим вводится общая подотчетность исполнительной власти по всем вопросам ее компетенции власти законодательной, с правом последней давать какие-либо указания или принимать решения, непосредственно влекущие ответственность должностных лиц исполнительной власти. Вместе с тем в этом же решении указывается на совместимость с принципом разделения властей представления докладов, посланий и других сообщений, имеющих информационный характер.

Не противоречит Конституции, согласно правовой позиции КС РФ, и право законодательного (представительного) органа на участие в формировании исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации путем согласования представляемых главой исполнительной власти субъекта Российской Федерации кандидатур на отдельные должности в органе исполнительной власти субъекта Российской Федерации, но лишь при том условии, что законодательно не закрепляется необходимость согласия законодательного органа на освобождение их от должности, как и его право выражать недоверие данным должностным лицам, поскольку такое недоверие не предполагает их обязательный уход в отставку¹. Соответственно, в конституции (уставе) субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены положения об участии законодательного (представительного) органа в назначении на должности заместителей высшего должностного лица исполнительной власти и отдельных руководителей органов исполнительной власти, однако при условии, что конституционное (уставное) регулирование в целом создает систему сдержек и противовесов и при этом обеспечивается баланс законодательной и исполнительной власти субъекта Российской Федерации и не нарушаются их стабильность и самостоятельность.

Раскрывая смысл конституционного регулирования принципа федерализма, Конституционный Суд РФ пришел, в частности, к следующим выводам, значимым с точки зрения уяснения параметров баланса централизации и децентрализации. Несмотря на то что принцип федерализма предполагает принципиальную децентрализацию государственной власти по вертикали, исходя из которой за субъектами РФ признается вся полнота государственной власти

¹ Определение КС РФ от 16 декабря 2004 г. №386-О // ВКС РФ. 2005. №2.

вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, он одновременно обязывает к недопущению умаления государственного единства и государственной целостности и потому не допускает признания за республиками (равно как и за иными субъектами РФ) качеств суверенных государств: соответствующие полномочия и предметы ведения субъектов РФ, в сфере которых они реализуются, проистекают не из волеизъявления республик, а из Конституции РФ как высшего акта суверенной власти всего многонационального народа России¹.

Принцип разумного сочетания централизации и децентрализации в федеративных отношениях не является некоей научно-теоретической абстракцией, а проявляется в конкретных институтах федерализма, включая распределение нормотворческих полномочий между уровнями государственной власти. Так, КС РФ сформулировал правовую позицию, что отсутствие соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения само по себе не препятствует субъекту Российской Федерации принять собственный нормативный акт, что следует из смысла ст. 72, ч. 2 ст. 76 и ч. 1 ст. 77 Конституции РФ и вытекает из самой природы совместной компетенции². Вместе с тем, если субъект РФ не принял закона по вопросу, отнесенному к его компетенции федеральным законодателем в порядке осуществления полномочий, закрепленных п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в этой сфере³.

В ряде решений Конституционным Судом — с учетом того, что положения Конституции проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования — были выявлены характеристики конституционного статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), его места и роли в системе разделения властей. Конституционный Суд подтвердил вытекающую из Кон-

¹ См., например: Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. №10-П; определение КС РФ от 18 января 2001 г. №2-0 // СЗ РФ. 2001. №6. Ст. 606 и др.

² См.: Постановления КС РФ: от 30 ноября 1995 г. №16-П // СЗ РФ. 1995. №50. Ст. 4969; от 1 февраля 1996 г. №3-П // СЗ РФ. 1996. №7. Ст. 700.

³ См.: Постановление КС РФ от 3 ноября 1997 г. №15-П // СЗ РФ. 1997. №45. Ст. 5241.

ституции возможность законодательного установления различных способов замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), в том числе в зависимости от социально-исторического контекста, и, соответственно, возможность различных форм участия в этой процедуре как субъектов публичной власти, в частности Президента и законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, так и граждан Российской Федерации.

Сбалансирование системы публичной власти связано с определенной дискрецией законодателя, признанием за ним свободы политического выбора по некоторым вопросам стратегического характера (при том что средства достижения целей подлежат судебному контролю). Так, еще в 1998 году Конституционный Суд РФ сформулировал базовую правовую позицию, касающуюся дискреции федерального законодателя при решении вопроса о выборе модели избирательной системы, указав, что Конституция РФ непосредственно не закрепляет тот или иной вид избирательной системы для выборов депутатов Государственной Думы; напротив, установление порядка формирования Совета Федерации и выборов депутатов Государственной Думы она относит к ведению федерального законодателя¹. Эти подходы были положены Конституционным Судом РФ и в основу оценок дальнейших изменений в избирательной системе

Эти и многие другие направления деятельности КС РФ, его конкретные решения являются, таким образом, подтверждением активного развития, социокультурного преобразования Конституции 1993 года в изменяющихся конкретно-исторических условиях.



¹ См.: Постановление КС РФ от 17 ноября 1998 г. №26-П.



4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАДЕЖДЫ РОССИИ — В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА

При наличии различных методологических подходов — в условиях философско-мировоззренческого плюрализма Конституции 1993 года — к обоснованию и интерпретации правовых идеалов общества и государства, следует признать, что исходным и важнейшим таким правовым идеалом является сама по себе Конституция. Она служит концентрированным выражением эталона, меры демократического развития современного государства и общества и одновременно — отражает желаемый, а, стало быть, не только сущий, но и должный, перспективный образ государственно-правовой системы, развивающейся в том числе в координатах современного международного правопорядка.

В этом плане Конституция предстает как формально-юридический источник фиксации и генерирования национальных идеалов и принципов, гарантия их нормативно-смысловой, исторической идентичности и практической востребованности, действенности, реализуемости, т. е. Конституция выступает мировоззренческой, регулятивной и правоприменительной основой последовательной реализации всей системы правовых идеалов и принципов в социально-правовой жизни общества.

При этом сама постановка проблемы о правовых идеалах и непреодоляющих ценностях конституционализма подразумевает необходимость их осмысления в свете не только содержательных, но и формально-юридических характеристик Конституции. Конституция как акт высшей юридической силы сохраняет свою стабильность не только в силу особого, усложненного порядка изменения, внесения в нее поправок, но прежде всего благодаря заложенным в самой Конституции внутренним потенциальным возможностям к саморазвитию, к нормативно-интерпретационному самообогащению в условиях меняющегося социокультурного контекста. Особая роль в этом принадлежит, как подтверждает 25-летний опыт реализации Конституции, Конституционному Суду РФ, осуществляющему официальное и казуальное толкование Конституции, конституционализацию всей системы законодательства и практику его применения.

В этом качестве Конституция России 1993 года как постоянно развивающийся документ является Основным законом не прошлого, а нынешнего, XXI века. Одновременно это позволяет действующей Конституции России служить важным фактором преодоления современных угроз праву, активно влиять на все стороны жизнедеятельности общества, государства, его граждан, равно как и на современный международный миропорядок. Залогом этого является последовательная реализация Конституции как акта прямого действия.

Эти качества Конституции 1993 года, получившие прямое нормативно-правовое самопризнание (ч. 1 ст. 15), принципиально отличают ее от прежней логики советского конституционализма, в котором роль конституции сводилась скорее к программно-политической, идеологической функции. В прямом действии Конституции отражаются ее значение как первичного и универсального источника права, предпосылка всех правовых норм.

Прямым действием Конституции РФ связаны все правоприменители в лице всех ветвей власти. При этом *не только основным субъектом, но одновременно и генератором прямого действия Конституции является судебная власть*. Это определяется самой природой судебной власти, ее самостоятельностью в системе разделения властей (ст. 10 и 11 Конституции РФ), универсальным характером права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Непосредственное применение судами конституционных норм естественным образом связано с реализацией конституционного контроля, который служит гарантом неразрывности фактической и юридической конституции, обеспечивает своего рода непрерывность демократических конституционно-правовых процессов и одновременно — единство правового пространства России.

В современном мире нет идеальных конституций, но есть эффективные и фиктивные, неработающие (как юридический акт, основной закон), конституции. А само по себе действие, реализация Конституции — проблема отнюдь не ее текста. В конечном счете это вопрос о состоянии всей системы национального конституционализма во всех его составляющих — мировоззренческих, нормативно-правовых, правоприменительных, доктринальных компонентах.

Одновременно в реализации, прямом действии Конституции отражаются ее значение как первичного и универсального источника права, предпосылка всех правовых норм.

Сама идея прямого действия конституции актуализируется, таким образом, не только перспективами преодоления во многом дискредитировавших себя, но еще до конца не изжитых, идеологизированных представлений о конституции как программно-политическом акте, но и с точки зрения необходимости обоснования институционально-правовых механизмов, поддерживающих в конкретных условиях функционирование Конституции как реально действующего права¹.

В частности, «живой» (судебный) конституционализм конкретизирует характеристики прямого действия и верховенства Конституции РФ как универсального политико-правового режима, а сам конституционно-судебный контроль становится важным фактором прямого действия Конституции. Это обеспечивается не только через непосредственное погружение конституционного правосудия в функционирование и корректировку конституционной практики, но и посредством:

а) формирования и развития с его помощью конституционно-правовой доктрины российской государственности;

б) реализации целей по правовой охране Конституции РФ и конституционной охране правовой системы в целом;

в) правовоспитательного, идеологического воздействия на правосознание общества путем отстаивания высшего авторитета Конституции и укрепления доверия к ней как реально действующему праву.

Поэтому ценность конституционного правосудия, его активное и комплексное влияние на правовую жизнь получает подтверждение в своей основе в прямом действии Конституции, реализация которого в режиме верховенства подразумевает, что никакой закон или иной правовой акт не должны противоречить Конституции, а акты, признанные неконституционными, утрачивают силу без дополнительных условий (ч. 1 ст. 15, ч. 5 ст. 125 Конституции РФ). Обеспечение прямого действия и верховенства Конституции образует в силу ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»² основную цель деятельности КС РФ, определяющую все его полномочия.

¹ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №3. С. 52–78.

² См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года №1-ФКЗ (в ред. от 14 декабря 2015 года) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. №13. Ст. 1447.

Прямое действие Конституции предполагает в своей основе ее юридическую самоценность как непосредственного регулятора общественных отношений и необусловленность реализации наличием детализации конституционных норм в текущем законодательстве, а в конечном итоге — гарантирование соответствия всех элементов правовой системы заложенным в Конституции идеям, ценностям, принципам современного конституционализма. В прямом действии Конституции отражается ее значение первичного (исходного) и универсального правового источника, генеральной предпосылки и общей меры (эталона) всех правовых норм, действий, отношений, понимание Конституции как ценностно-нормативного ядра и одновременно — духовно-нравственного явления национального правового порядка.

Самоценность Конституции, впрочем, не тождественна ее самоисполнимости, и ее прямое действие нуждается в гарантиях — как на правотворческом, так и на правоприменительном уровне. Основная, определяющая роль в этом опять же отводится судебной власти.

Участие судов в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер, обусловлено самим признанием судебной власти как одной из основ конституционного строя (ст. 10, ч. 1 ст. 11 в нормативном единстве с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), а права на судебную защиту — как абсолютного, не подлежащего каким-либо ограничениям (ст. 46 Конституции РФ). Позиция судьи в конечном счете и в первую очередь должна восходить к Конституции (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), что соотносится и с приоритетной функцией судебной власти — обеспечивать права и свободы человека и гражданина как непосредственно действующие (ст. 18 Конституции РФ).

Судебное обеспечение прямого действия Конституции реализуется всеми видами юрисдикции, включая конституционную, общую, арбитражную, что является общей тенденцией. Конституционный суд «вступает в игру» на самом последнем этапе, а изначально применять конституционные нормы, принципы, ценности прежде всего должны все прочие суды¹. Следует учитывать, что не только в странах общего права, но и в романо-германской (континентальной) системе права судебная власть формирует, в частности, прецедент-

¹ Гарлицкий Л. Конституционные суд против верховных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №2 (59). С. 148.

ное понимание смысла правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных судам категорий дел и тем самым как бы осуществляет его детализацию, выявляет, обосновывает, конкретизирует имеющие по сути конституционное значение общие начала (принципы) законодательства; устраняет из правовой системы не соответствующие требованиям закона и в конечном счете неконституционные нормативные акты с учетом разграничения полномочий между судами различных видов юрисдикций. В судебной практике, как неоднократно отмечал КС РФ, должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений¹, а восполнение пробелов в законодательном регулировании (как и правоприменение в целом) требует от судов учета нормативного единства российского права, в системе которого Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие². Это коррелирует с положениями ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³, из которых следует, что суд, выявив дефект иерархической субординации правовых актов, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу, т. е. в конечном счете на основе Конституции.

Непосредственное применение судами конституционных норм естественным образом связано с реализацией конституционного контроля, который предполагает выяснение соответствия правового акта Конституции и определение его правовой судьбы, что само по себе также является результатом прямого действия Конституции. Как констатировано в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов: «Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховен-

¹ См., например, Постановления Конституционного Суда РФ: от 23 февраля 1999 года №4-П (абзац четвертый пункта 3 мотив. части); от 23 января 2007 года №1-П (абзац первый пункта 3.3 мотив. части); от 23 сентября 2014 года №24-П (абзац первый пункта 3.5 мотив. части); от 12 марта 2015 года №4-П (абзац второй пункта 4 мотив. части).

² См.: абзац третий пункта 3 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 года №1828-О.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ (в ред. от 5 февраля 2014 года) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. №1. Ст. 1.

ства конституции... Через конституционный контроль конституция, как правовой акт, превращается в “живое” право»¹.

Если же обратиться к соотношению принципа разделения властей с судебским активизмом, то нужно признать, что исключение для суда возможности формулировать на основе правовых принципов и системы законодательства собственные представления о должном в качестве общего правила, которым суд связывает и себя, и участников правоотношений, явилось бы преградой на пути достижения целей правосудия, отказом в судебной защите.

При этом конституционно-судебное правотворчество вопреки бытующему мнению не противопоставлено народному представительству. Статус КС РФ, определяемый единством конституционно-контрольных и судебно-юрисдикционных начал, вместе с тем на более глубоком уровне выражает сочетание в его природе характеристик органа государственной власти и одновременно органа демократического контроля народа за соблюдением его суверенных прав и учредительной, конституирующей воли.

Конституционный Суд, реализуя возложенные на него полномочия:

а) дает государственно-правовую оценку и обеспечивает юридическое закрепление происходящих политических изменений, имеющих по сути конституционное значение;

б) обеспечивает баланс коллизионных ценностей и политических интересов;

в) определяет конституционные основания и пределы усмотрения законодателя при реализации правовой политики;

г) оказывает непосредственное влияние на формирование и реализацию конституционных начал политики в области социального, экономического, экологического, национального и иного развития государства — поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм в соответствии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина.

Что касается запрета решать политические вопросы, то это означает, что принимаемое Конституционным Судом решение должно

¹ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 года) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. Вып. 2–3. С. 110–111.

основываться лишь на требованиях Конституции, юридической, а не абстрактной справедливости и конституционной (но не политической) целесообразности.

Статусные свойства Конституционного Суда как судебно-юрисдикционного и, одновременно, — квазиправотворческого органа определяют особенности юридической природы его решений, их место и роль в сфере практической юриспруденции. Речь идет о том, что решения Конституционного Суда по сути являются воплощением прямого действия Конституции РФ и могут быть охарактеризованы как *особый вид конституционно-судебных нормоустановлений*, которые превосходят по юридической силе любые иные правовые акты, ниже уровня Конституции, а также: а) являются своего рода конституционным источником правовой системы; б) воплощают в себе единство нормативности и доктринальности, естественно-правовых и позитивистских начал; в) представляют собой источник (инструмент обеспечения) единообразия толковательной и правоприменительной практики норм и институтов всех отраслей права. При этом нет ни одной сколько-нибудь значимой сферы юридической деятельности, которые не затрагивалась бы — прямо или косвенно — в решениях Конституционного Суда, и где не были востребованы акты конституционного правосудия.

Как конституционные источники правовой системы итоговые акты конституционного правосудия характеризуются единством публичных и частноправовых начал, оказывают многоаспектное, многоуровневое воздействие на правовую жизнь и непосредственно участвуют в механизме формирования, институционализации, развития как единой целостности всей совокупности правовых явлений общества. В частности, обеспечивают системное нормативное единство российского права на основе прямого действия и верховенства Конституции; гарантируют идентичность правовой системы ее ценностным конституционным основаниям, надлежащее отраслевое структурирование; определяют межотраслевые координационные, коллизионные взаимосвязи в рамках правовой системы и т. п.

Как конституционные источники правовой системы решения Конституционного Суда могут быть охарактеризованы в двуедином качестве: а) все они являются *источниками конституционного права*; б) одновременно могут быть *конституционно значимыми источниками отрасли права*, к которой принадлежат проверяемые законоположения (если это не есть нормы, относящиеся

к сфере исключительного конституционного регулирования). Тем самым акты конституционного правосудия обеспечивают «сцепку» конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создавая основанное на соответствующих взаимосвязях конституционных и отраслевых правоотношений нормативно-правовое единство.

Это существенно усиливается также единством нормативных и доктринальных начал в решениях КС РФ, что существенно повышает в том числе потенциал Конституции как акта прямого действия. Нормативность и доктринальность — взаимообогащающие характеристики решений Конституционного Суда. Это означает, что, во-первых, нормативные начала его решений, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать высшие конституционные ценности, принципы и основные начала на основе баланса публичных и частных интересов, во многом приобретают признаки конституционной доктрины, имеющей межотраслевое значение. Во-вторых, заложенные в решениях Конституционного Суда аксиологические подходы, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции и опосредующие отношение органа конституционного контроля к социально-экономическому, политическому, социокультурному содержанию и юридическому оформлению реальных общественных отношений, придают доктринальным началам решений Конституционного Суда качества их общеобязательности, нормативной доктринальности. Единство нормативности и доктринальности видит в своих решениях и сам КС РФ¹. При этом решения КС РФ, содержащие итоговую оценку проверяемых норм, казуальное или абстрактное толкование конституционных или отраслевых положений, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, правореализационное значение². В этом плане что касается самих по себе характеристик решений КС РФ как источника практической юриспруденции, то их концентрированным выражением является понимание конституционно-судебных актов нормоконтроля в качестве важного инструмента

¹ См., например: абз. седьмой п. 4.2 мотив. части Постановления КС РФ от 1 декабря 2015 года №30-П;

² См.: абз. первый п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 16 июня 1998 года №19-П.

обеспечения единообразия толковательной и правоприменительной практики.

Важно учитывать все многообразие юридических последствий принятия решений КС РФ как воплощения прямого действия Конституции и источника практической юриспруденции. Это не только утрата правовыми актами (нормами), признанными неконституционными, юридической силы, но также: прекращение действия аналогичных норм, даже если они формально не входили в предмет проверки; казуальное толкование Конституции; формирование общеобязательной конституционно-правовой интерпретации проверяемой нормы; корректировка судебной и иной правоприменительной практики, которая более не может воспроизводиться с приданием нормам иного смысла, чем выявленный Конституционным Судом; конституционно-судебные рекомендации законодателю. Наконец, решения КС РФ образуют новые обстоятельства для пересмотра дел в судах общей и арбитражной юрисдикций (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 350 КАС РФ), что в особой степени подчеркивает значение актов конституционного правосудия как источника практической юриспруденции.

Таким образом, обеспечение прямого действия и верховенства Конституции предполагает ориентацию на последовательное использование всех необходимых средств реализации Конституции, включая активную судебную защиту не только прав и свобод граждан и общественных объединений, защиту суверенной российской государственности, но и судебную охрану самой по себе Конституции как уникального политико-правового явления нашей эпохи, Основного закона личности, общества, государства. Одновременно последовательная реализация Конституции как акта прямого действия является условием освобождения от политических иллюзий и правового романтизма и одновременно — надежной предпосылкой реализации тех надежд, которые 25 лет назад породила действующая Конституция России.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А., Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД «Сашко», 2000.
2. Авакьян С. А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. №23.
3. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. №9.
4. Авакьян С. А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. №11.
5. Авакьян С. А. Конституционно-правовые реформы: объективные и субъективные факторы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №1. С. 142–148.
6. Александров А. Конституция РФ и идеология государства и права в России — одно и то же // Судья. 2013. Декабрь.
7. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб: Юридический центр, 2003.
8. Арановский К. В., Князев С. Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. №3.
9. Белов С. А. Непосредственное применение судами Конституции в Российской Федерации // Государство и право. 2014. №1. С. 45–55.
10. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2016
11. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. Вып. 7. М.: Норма, 2017.
12. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности в свете практики конституционного правосудия. Вып. 5. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
13. Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня завтра. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов н/Д: Профпресс, 2014.
14. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. Вып. 8. М.: Норма, 2018.
15. Бондарь Н. С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. №11. С. 5–17.
16. Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. №2 (38).
17. Бондарь, Н. С., Джагарян, А. А. Прямое действие Конституции: Генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №3. С. 52–78.
18. Бондарь Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. №1 (49).
19. Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. №1 (61). С. 10.
20. Гаджиев Г. А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Журнал конституционного правосудия. 2018. №6. С. 46–60.

21. Добрынин Н. М. Социализм, социальность и социальное государство: к вопросу о соотношении понятий и смыслов на современном этапе конституционного устройства России // Государство и право. 2018. №5. С. 18–29.
22. Добрынин Н. М. К вопросу о соотношении Конституции Российской Федерации и конституционализма: действительное и неизбежное // Конституционное и муниципальное право. 2014. №3. С. 3–10.
23. Добрынин Н. М. Размышления о российском конституционализме: современное состояние, конформизм, или же необходимость реальной конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2013. №12. С. 15–23.
24. Зорькин В. Д. Право против хаоса. Изд-е 2-е. М.: Норма, 2018.
25. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М., 2008.
26. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010.
27. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
28. Зорькин В. Д. Конституция Российской Федерации — правовая основа интеграции российского общества // Журнал конституционного правосудия. 2018. №6. С. 1–11.
29. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. №3.
30. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. №226 (7689), 10 октября.
31. Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013.
32. Князев С. Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. №1. С. 4–12.
33. Кокотов А. Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. №12.
34. Комарова В. В. Эволюция конституционного законодательства // Российское право. 2014. №2.
35. Комарова В. В. Демократия в Конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Lex Russica. 2017. №1.
36. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В. Д. Зорькина. 2-е изд. М.: Норма: 2011.
37. Костюков А. Н. Двадцать пять лет конституционной государственности России // Журнал конституционного правосудия. 2018. №6. С. 18–26.
38. «Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма; Инфра-М, 2016.»
39. Крусс В. И. Конституция Российской Федерации и отечественная наука права // Проблемы права. 2013. №4. С. 25–38.
40. Лазарев В. В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. М.: Норма, 2014.
41. Лебедев В. А. Конституция Российской Федерации: перспективы реформирования или дальнейшего раскрытия ее потенциала? // Проблемы права. 2018. №4. С. 7–12.
42. Невинский В. В. Верховенство и высшая юридическая сила Конституции РФ: к соотношению понятий // Российское право в интернете. 2009. №5.
43. Овсян Ж. И. О поправках в Конституцию Российской Федерации 1993 года в первые два десятилетия ее действия // Юрист — Правоведь. 2015. №3 (70). С. 70–75.

44. Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. 2017. №5. С. 5–10.
45. Хабриева Т. Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможности и необходимость // Журнал российского права. 2003. №11.
46. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. №12.
47. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. №2.
48. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации и развитие законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. №5.
49. Хабриева Т. Я. Конституция России в мировом пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. №6.
50. Хабриева Т. Я. Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. №1.
51. Хабриева Т. Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №5.
52. Чиркин В. Е. Конституция России 1993 года в мировом конституционном пространстве // Журнал конституционного правосудия. 2018. №6. С. 12–17.
53. Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013.
54. Шахрай, С. М. Конституция 1993 года как национальный проект строительства новой России: цели и результаты, проблемы и перспективы // Конституция Российской Федерации. М.: Норма, 2009.
55. Шахрай, С. М. Конституция — это желаемый образ будущего // Закон. 2009. №2.
56. Шахрай, С. М. Жалею, что Конституцию 1993 года не сделали по-настоящему «суперпрезидентской» // Конституционное и муниципальное право. 2012. №12.
57. Шахрай С. М. Урок Конституции // Конституционный вестник. 2013. №3.
58. Шахрай С. М. О творческом потенциале действующей Конституции Российской Федерации // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. М.: Норма, 2014.
59. «Шустров Дм. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. Ч. 1. №4 (119); Ч. 2. №5. (119).
60. Эбзеев Б. С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. №12.
61. Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. №11. С. 14–23.



Научное издание

Бондарь Николай Семенович

Конституция России в современную эпоху
глобальных перемен:
от политических иллюзий
к юридическому реализму

Scientific publication

N. S. Bondar

CONSTITUTION OF RUSSIA
IN THE SEA-CHANGE EPOCH OF TODAY:
FROM POLITICAL ILLUSIONS TO LEGAL REALISM

Редактор — Д.В. Нефёдов. Корректор — П.В. Багров.

Издательство «Юрист», 115035, г. Москва, Космодамианская набережная,
д. 26/55, стр. 7, тел.: (495) 953-91-08, 617-18-88.

Сдано в набор 14.11.2018. Подписано в печать 19.11.2018.

Формат 64x80/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 5,25. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-91835-357-8



9 785918 353578